

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ПЕРРИ МЕЙСОН

КАЖДЫЙ В ЧЕМ-ТО ВИНОВЕН

ДЕЛО ЗАИКАЮЩЕГОСЯ ЕПИСКОПА
ДЕЛО ОБ УДАЧЛИВЫХ НОЖКАХ

ЧИТАЙТЕ КНИГИ — СМОТРИТЕ СЕРИАЛ!

АМЕДИАТЕКА

HOME OF HBO

Хиты экрана: Перри Мейсон

Эрл Стенли Гарднер

**Перри Мейсон: Дело
заикающегося епископа.
Дело об удачливых ножках**

«Издательство АСТ»

1945, 1935

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гарднер Э.

Перри Мейсон: Дело заикающегося епископа. Дело об удачливых ножках / Э. Гарднер — «Издательство АСТ», 1945, 1935 — (Хиты экрана: Перри Мейсон)

ISBN 978-5-17-134313-2

Перри Мейсон – король перекрестного допроса, кумир журналистов и присяжных, гений превращения судебного процесса в драматический спектакль. А за королем следует его верная свита, всегда готовая помочь, – секретарша Делла Стрит и частный детектив Пол Дрейк. Перри Мейсон почитаем так же, как Эркюль Пуаро, мисс Марпл и Ниро Вулф, поэтому неудивительно, что обаятельный адвокат стал героем фильмов и многосерийных экранизаций в разных странах. Этим летом адвокат Мейсон продолжит свои расследования в сериале от НВО. «Перри Мейсон. Дело заикающегося епископа» Заикающихся епископов не бывает – в этом Перри Мейсон абсолютно уверен. Однако на прием к знаменитому адвокату приходит именно такой человек и рассказывает о непреднамеренном убийстве, совершенном 22 года назад... «Перри Мейсон. Дело о счастливых ножках» Перри Мейсон разоблачает жулика, манипулирующего юными девушками, обещая им роль в кино. Однако мошенник убит, и адвокату предстоит столкнуться с сложным судебным делом – ведь только он способен спасти невиновных от незаслуженной кары.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134313-2

© Гарднер Э., 1945, 1935

© Издательство АСТ, 1945, 1935

Содержание

Дело заикающегося епископа	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эрл Стенли Гарднер
Перри Мейсон: Дело
заикающегося епископа
Перри Мейсон: Дело об удачливых ножках

Erle Stanley Gardner

PERRY MASON: THE CASE OF THE STUTTERING BISHOP

PERRY MASON: THE CASE OF THE LUCKY LEGS

Перевод с английского

В. А. Вебера («Дело заикающегося епископа»)

М. В. Жуковой («Дело об удачливых ножках»)

Компьютерный дизайн В. В. Воронина

Печатается с разрешения Earle Stanley Gardner Trust

и Queen Literary Agency Inc.

© Erle Stanley Gardner Trust, 1945, 1935

© Перевод. М. В. Жукова, 2020

© Перевод. В. А. Вебер, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Дело заикающегося епископа

Глава 1

Перри Мейсон внимательно смотрел на мужчину, который появился на пороге его кабинета и застыл в нерешительности.

– Заходите, епископ, – пригласил адвокат посетителя.

Коренастый мужчина в одежде свободного кроя из черного сукна и в черных поношенных ботинках чуть поклонился и широким шагом направился к предложенному Мейсоном стулу. У епископа было загорелое лицо с холодно поблескивающими серыми глазами.

– Сигарету? – Мейсон подтолкнул портсигар к гостю.

Епископ потянулся к сигаретам, но в последний момент передумал.

– Я курил недавно. Две затяжки, и все д-д-д-е-ла. – Когда его губы запнулись на первой букве последнего слова, епископ сделал паузу, дважды глубоко вдохнул, словно стараясь взять себя в руки. Когда заговорил вновь, голос стал твердым, как пальцы пианиста, который сфальшивил, но теперь исправляет свою ошибку, добавляя выразительности. – Если не возражаете, я лучше раскурю трубку.

– Как вам будет угодно, – ответил Мейсон и обратил внимание, что пузатая трубка, которую мужчина достал из левого кармана, выглядит совсем, как ее хозяин. – Моя секретарша сообщила мне, что вы – епископ Уильям Мэллори из Сиднея, и хотите поговорить со мной о деле, связанном с непредумышленным убийством, – начал адвокат, помогая посетителю преодолеть неловкость.

Епископ Мэллори кивнул, достал из кармана кожаный кисет, набил ароматными крупинками чашу из полированного бриара, сжал зубами мундштук и чиркнул спичкой. Наблюдая за ним, Мейсон не смог определить, зачем епископ прикрывает пламя обеими руками: то ли, чтобы скрыть дрожь пальцев, то ли по машинально, по привычке защищать зажженную спичку от ветра.

Мейсон внимательно разглядывал визитера в мерцающем свете: у него был высокий лоб, худое лицо с высокими скулами и волевым подбородком.

– Продолжайте, – подтолкнул его адвокат.

Епископ Мэллори выдохнул несколько маленьких облачков дыма. Он не относился к мужчинам, которые нервно елозят на стуле, но чувствовалось, что ему не по себе.

– Боюсь, мое юридическое образование оставляет желать лучшего, вот я и хочу знать, каков срок давности у непредум-м-м-ышленного убийства.

Заикнувшись повторно, он еще крепче сжал зубами мундштук. Быстрота, с которой он выдыхал облачка дыма, демонстрировала его нервозность и раздражение из-за дефекта речи.

– В этом штате принят закон об исковой давности, – неспешно ответил Мейсон. – По всем преступлениям, за исключением преднамеренных убийств, хищения бюджетных средств и подделки документов, обвиняемые должны быть переданы суду в течение трех лет после совершения преступления.

– А если обвиняемого не нашли? – спросил епископ Мэллори, и его серые глаза с надеждой посмотрели на адвоката сквозь синеватую пелену табачного дыма.

– Если обвиняемый находился вне штата, то период его отсутствия не засчитывается. – Епископ торопливо отвел глаза, но Мейсон успел заметить затуманившее их разочарование. Адвокат продолжил легко и непринужденно, как врач, пытающийся успокоить пациента перед операцией: – Видите ли, поскольку прошли годы, то сложно предоставить улики, доказывающие невиновность обвиняемого, равно как и прокурору трудно найти доказательства вины в совершении давнего преступления. По этой причине для всех преступлений, за исключением самых громких, закон устанавливает срок давности. Это ограничение установлено юридически, но есть еще и ограничения, диктуемые практикой. Поэтому, даже если окружной прокурор официально имеет право привлечь обвиняемого к ответственности, по прошествии нескольких лет он может усомниться в целесообразности такого решения. – В последующей паузе епископ словно искал надлежащие слова, дабы облечь в них мысль, которую собирался озвучить. Адвокат, рассмеявшись, прервал этот процесс. – Знаете, епископ, клиент, консультирующийся с адвокатом, ничем не отличается у пациента, пришедшего к врачу. Все останется между нами. Как насчет того, чтобы просто рассказать мне, что вас тревожит, а не ходить вокруг да около, задавая отвлеченные вопросы?

– Вы хотите сказать, – оживился епископ Мэллори, – что окружной прокурор не захочет переда-а-вать в суд уголовное дело, если после преступления прошло двадцать два года, пусть даже обвиняемый все это время находился за пределами штата? – На этот раз ему так не терпелось получить ответ, что он не отреагировал на собственное заикание.

– То, что вы полагаете непредумышленным убийством, – ответил Мейсон, – для окружного прокурора может быть убийством с заранее обдуманной намерением.

– Нет, это непредумышленное убийство. Был выписан ордер на арест, но на том все и закончилось, потому что подозреваемый... точнее подозреваемая, скрылась?

– При каких обстоятельствах все произошло?

– Подозреваемая находилась за рулем и врезалась в другой автомобиль. По свидетельствам очевидцев она... эта же-е-енщина... была пьяна.

– Двадцать два года тому назад? – воскликнул Мейсон.

Епископ кивнул.

– Двадцать два года тому назад таких случаев было немного, – заметил Мейсон, всматриваясь в лицо посетителя.

– Знаю, – согласился епископ, – но произошло это в одном из отдаленных округов, где прокурор... слишком рьяно выполнял свою работу.

– В каком смысле? – спросил Мейсон.

– Пытался использовать все зацепки, которые предоставлялись законом.

Мейсон кивнул.

– Обвиняемым, случайно были не вы, епископ?

На лице епископа отразилось, несомненно, искреннее изумление.

– Я в это время был в Австралии.

– Двадцать два года – это долгий срок, – сузив глаза, адвокат не отрывал взгляда от лица епископа, – даже для ретивого прокурора. Более того, окружные прокуроры приходят и уходят. За последние двадцать два года политическая карта этого штата значительно изменилась. – Епископ рассеянно кивнул, словно политические изменения не имели никакого отношения к рассматриваемому вопросу. – Поэтому, раз вы по-прежнему озабочены этим делом, я склонен думать, что причина не только в окружном прокуроре.

Епископ Мэллори широко распахнул глаза и заговорил не сразу.

– Вы очень у-у-мный адвокат, мистер Мейсон.

Тот ждал продолжения, но пауза затягивалась.

– Как насчет того, чтобы рассказать мне остальное, епископ?

Мэллори несколько раз затянулся, выдохнув облака дыма.

– Вы защищаете клиентов в расчете на «гонорар успеха»?

– Да, иногда.

– Вы соглашаетесь защищать бедняка против миллионера?

– Если человек – мой клиент, я буду защищать его и против дьявола, – сухо ответил Мейсон.

Епископ какое-то время задумчиво курил, несомненно, обдумывая, как перейти к главному. Потом обхватил рукой теплую чашу трубки.

– Вы знаете Ренволда К. Браунли?

– Знаю, – кивнул Мейсон.

– Никогда не работали на него?.. В смысле, его адвокатом?

– Нет.

– Вам предложат участвовать в процессе против Ренволда Браунли. Речь пойдет о больших деньгах. Точная сумма мне не известна, может, миллион долларов, может, больше. Начинать вам придется с чистого листа. Если выиграете дело, вознаграждение будет большим, двести или триста тысяч долларов. Предупреждаю вас, Браунли противник серьезный. Так что процесс будет жестким. Вы будете защищать права женщины, с которой обошлись несправедливо. И ваш единственный шанс выиграть – мои показания, как свидетеля.

Взгляд Мейсона тут же стал настороженным.

– И что? – спросил он.

Епископ Мэллори покачал головой.

– Поймите меня правильно. Я ни о чем не прошу. Для себя мне ничего не надо. Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала. Далее, если я стану главным свидетелем на процессе, мои показания могут быть поставлены под сомнение, если станет известно, что я пытался навести справки?

– Могут, – признал Мейсон.

Епископ сунул изогнутый мундштук между губ, пару раз затянулся, выпустив облачка дыма, задумчиво кивнул.

– Я так и предполагал. – Мейсон выжидающе молчал. – Так вот, не хочу я, чтобы кто-нибудь знал о моем приходе сюда. Естественно, лгать я не стану. Если мне зададут вопросы, имеющие отношение к процессу, когда я сяду в кресло свидетеля, я на все отвечу правдиво, поэтому для всех заинтересованных сторон будет лучше, чтобы вопросы эти мне не задавались. Я позвоню вам где-то через час. Скажу, куда подойти, чтобы встретиться со мной, и представлю вас тем людям, для которых исход процесса жизненно важен. Это будет процесс против очень богатого человека, безжалостного и несправедливого. После той встречи, – продолжил епископ Мэллори, – я исчезну и не буду общаться с вами, пока вы не найдете меня и не притащите в суд, как свидетеля. И вам придется приложить немало усилий, чтобы найти меня, мистер Мейсон. Но думаю, я могу рассчитывать, что вам это удастся. – Епископ кивнул сам себе, похоже, совершенно довольный сложившейся ситуацией.

Затем он резко встал и крепким шагом пересек кабинет. Он открыл дверь в коридор, повернулся, поклонился Мейсону и захлопнул дверь за собой.

Делла Стрит, секретарша Мейсона вошла в кабинет из второй комнаты, где стенографировала беседу.

– Как тебе эта история, босс? – спросила она.

Мейсон стоял посреди кабинета, расставив ноги и глубоко засунув руки в карманы брюк.

– Будь я проклят, если знаю, – медленно ответил он, уставившись на ковер.

– А что ты можешь сказать о нем?

– Если он священник, то очень человечный. Никакой строгости в одежде, короткая трубка, впечатление человека с широким кругозором. Обрати внимание, он сказал, что не

будет лгать, если другая сторона задаст ему некие вопросы, и моя задача – не позволить эти вопросы задать.

– Почему ты сказал «если он священник»? – полюбопытствовала Делла.

– Епископы не заикаются, – задумчиво ответил Мейсон.

– В смысле?

– До епископа нужно дорасти. Это люди выдающихся способностей и должны выступать публично. Если человек заикается, едва ли он станет священником. На это шансов немного, как и стать адвокатом. Но если он, заикаясь, стал священником, то стать епископом куда как сложнее.

– Понимаю, – кивнула Делла. – Так ты думаешь... – Ее глаза широко раскрылись.

Мейсон медленно кивнул.

– Он может быть чертовски умным самозванцем. С другой стороны, он может быть и епископом, который пережил эмоциональный шок. Насколько я помню, в судебной медицине говорится о том, что одна из причин заикания у взрослых – внезапный эмоциональный шок.

– Послушай, шеф, – в голосе Деллы Стрит послышалась тревога, – если ты намерен поверить этому человеку на слово и бороться с мультимиллионером Ренволдом К. Браунли, прежде всего необходимо выяснить, настоящий он епископ или самозванец. Все-таки это две большие разницы.

Мейсон медленно кивнул.

– Именно об этом я и думал. Позвони в Детективное агентство Дрейка. Скажи Полу, пусть бросает все дела и немедленно идет ко мне.

Глава 2

Пол Дрейк, возглавлявший Детективное агентство Дрейка, бочком сел в большое мягкое кожаное кресло, привалившись спиной к одному из подлокотников, закинув ногу на ногу. Смотрел на Перри Мейсона бесстрастными глазами. Детектива в нем не видел никто, что позволяло ему добиваться феноменальных результатов.

Перри Мейсон вышагивал по кабинету, заложив большие пальцы в карманы жилетки. Он бросил через плечо:

– Ко мне за консультацией пришел епископ англиканской церкви из Сиднея, утверждающий, что его зовут Уильям Мэллори. Слов на ветер не бросал, цвет лица говорит о том, что он много времени проводит на свежем воздухе... Ты знаешь, о чем я. Кожа не просто загорелая, но и обветренная... Когда он приехал, не знаю. Его интересует дело о непредумышленном убийстве, которое завели двадцать два года тому назад в одном из дальних округов после автомобильной аварии, совершенной в состоянии алкогольного опьянения.

– И как он выглядит? – спросил детектив.

– Пятьдесят три, может, пятьдесят пять лет, рост пять футов и шесть или семь дюймов¹, черный наряд священника, белый воротничок клирика, предпочитает курить трубку, сигареты по случаю, серые глаза, темные густые волосы с сединой на висках, решительный, уверенный в себе, иногда заикается.

– Заикается? – переспросил Дрейк.

– Именно так.

– Он – епископ и заикается?

– Да.

– Епископы не заикаются, Перри.

– Об этом и речь, – кивнул Мейсон. Заикание могло появиться недавно, возможно, как результат эмоционального шока. Я хочу знать, что послужило его причиной.

– И как он воспринимает свое заикание? – спросил Дрейк. – Я хочу сказать, как себя ведет себя, когда заикается.

– Напоминает гольфиста, который запарывает первый дальний удар на лунке.

– Мне это не нравится, Перри. По мне он обманщик. С чего ты взял, что он епископ? Кроме его слова, доказательств у тебя нет?

– Совершенно верно, – с готовностью согласился Мейсон.

– Позволь мне с этим разобраться и дать тебе знать.

– Именно этого я от тебя и хочу, Пол. Епископ должен связаться со мной где-то через час. Вскоре после этого я должен сказать «да» или «нет» насчет участия в процессе, где на кону будут стоять большие деньги. Если епископ настоящий, я склонен сказать «да». Если самозванец, откажусь.

– Что за процесс?

– Тайна сия велика есть, – ответил Мейсон. – Что-то связанное с Ренволдом К. Браунли, и, если все это не выдумка, я могу получить вознаграждение в двести, а то и триста тысяч долларов. – Детектив присвистнул. – Среди прочего речь пойдет о давнем обвинении в непредумышленном убийстве, которое повлекло за собой вождение в пьяном виде.

– Насколько давнее? – спросил Дрейк.

– Двадцать два года, Пол. – Брови детектива взлетели. – В те далекие времена за руль не так часто садились в пьяном виде. Более того, случилось это в одном из дальних округов. Я хочу знать об этом все, и немедленно. Направь людей в округа Ориндж, Сан-Бернардино,

¹ Примерно 168–170 см. – *Здесь и далее примеч. пер*

Риверсайд, Керн и Вентура. Насколько я понял, в преступлении обвинялась женщина. Пусть шершестят архивы и проверят, не открывалось ли в тысяча девятьсот четырнадцатом году дело о непредумышленном убийстве, где обвиняемой выступала женщина. Дело, которое не довели до суда. Далее, отправь телеграмму своим коллегам в Сидней, чтобы они все выяснили насчет епископа Уильяма Мэллори. Наведи справки в компаниях, занимающихся пассажирскими перевозками, и узнай, когда епископ Мэллори прибыл в Калифорнию и чем занимался после приезда. Свяжись с основными отелями, найди тот, в котором он остановился, и сообщи мне. Сколько людей тебе на это потребуется, столько и направь. Я жду результатов, и как можно быстрее. Действуй!

Дрейк тоскливо вздохнул.

– Легко сказать «действуй». Ты хочешь, чтобы за час была сделана недельная работа.

Мейсон продолжил так, будто пропустил слова Дрейка мимо ушей:

– Меня особо интересует, с кем он общается. Как можно скорее установи за ним наблюдение, как и за теми, с кем он войдет в контакт.

Детектив резко поднялся с кресла, распрямив длинные ноги и расправив сутулые плечи.

– Хорошо, Перри. Уже ушел.

У двери в коридор детектив вдруг остановился, резко повернувшись к Мейсону.

– Допустим, я выясню, что этот человек – самозванец. Будешь выводить его на чистую воду?

– Только не я, – Мейсон широко улыбнулся. – Но обязательно выясню, что он скрывает.

– Готов поспорить на двадцать долларов, что он – самозванец.

– У него честное лицо, – возразил Мейсон.

– Как и у большинства мошенников, – резонно заметил Дрейк. – Вот почему они процветают.

– Тем не менее, – сухо ответил адвокат, – логично предположить, что у настоящего епископа будет честное лицо. Займись уже делом.

Но Дрейк не сдвинулся с места.

– Не собираешься принять мою ставку, Перри?

Мейсон потянулся за толстым юридическим фолиантом, чтобы швырнуть его в детектива, и тот торопливо выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь.

Зазвонил телефон. Мейсон снял трубку и услышал голос Деллы Стрит:

– Босс, здесь таксист. Думаю, мне лучше провести его в кабинет, чтобы ты смог с ним переговорить.

– Таксист?

– Да.

– Что ему, черт побери, нужно?

– Денег.

– И ты думаешь, мне лучше с ним переговорить?

– Да.

– А по телефону ты не можешь сказать мне, в чем дело?

– Я бы предпочла без этого обойтись.

– Потому что он рядом и услышит, что ты скажешь?

– Да.

– Ладно, давай его сюда.

Едва он положил трубку, как открылась дверь в приемную, и в сопровождении Деллы в кабинет, извиняясь, вошел настойчивый таксист.

– Этот человек привез сюда епископа Мэллори, – пояснила она.

Таксист кивнул и продолжил:

– Он попросил подождать меня у здания. Я жду, но здесь можно только высадить пассажира, а не стоять, так что коп меня шуганул. Я нашел место стоянки, вернулся к зданию, но своего пассажира не нашел. Счетчик работает, вот я и спросил лифтера. Так вышло, что тот обратил внимание на моего пассажира. Сказал, что этот парень спрашивал, где находится ваш офис, поэтому я здесь. Такой коренастый мужчина. Одет в черное, белый только воротник, лет пятидесяти – пятидесяти пяти.

– Он не покинул здание? – Голос Мейсона звучал бесстрастно.

– Я не видел, как он выходил, а с двери глаз не спускал. И лифтер не видел, как он спускался в вестибюль, потому что запомнил его. На счетчике у меня три бакса и восемьдесят пять центов, и я хочу знать, кто мне заплатит?

– Где вы его забирали? – спросил Мейсон. Таксист колебался, поэтому адвокат, достав из кармана пятерку, и улыбнулся таксисту. – Я просто хотел обезопасить себя, получив эту информацию, прежде чем оплачивать счет за такси.

– Я забрал его в отеле «Регал».

– И привезли сюда?

– Совершенно верно.

– Он торопился?

– Не то слово.

– Не думаю, что вам есть смысл и дальше его ждать. – Он протянул купюру таксисту.

– Это да, учитывая, что коп прогнал меня чуть ли не пинками. – Таксист отсчитывал сдачу. – Но я хочу сказать, что вы поступили чертовски благородно. Я слышал о вас от парней. Вы играете честно и всегда отдаете положенное рабочему человеку. Если я могу что-то сделать для вас, только скажите. Я – Уинтерс. Джек Уинтерс.

– Отлично, Джек, – кивнул Мейсон. – Может, придет день, когда я приглашу вас в жюри присяжных, а пока, поскольку ваш пассажир наверняка оставил бы вам чаевые, сдачи не надо. Купите себе сигару.

Таксист отбыл, улыбаясь во весь рот, а Мейсон снял трубку и позвонил Дрейку.

– Пол, отправь своих людей в отель «Регал». Возможно, он зарегистрировался там под именем Уильям Мэллори. Позвони мне, как только узнаешь, где он, и организуй слежку за всеми, с кем он встретится.

В кабинет заглянула Делла Стрит, идеал эффективности в подогнанном по фигуре сером деловом костюме.

– Джексон хочет поговорить с тобой насчет дела о наезде, если сможешь уделить ему минутку.

– Пусть заходит, – кивнул Мейсон и через минуту закрылся в кабинете со своим юрисконсультантом, пытаясь определиться, следует ли их клиенту подавать апелляцию, чтобы потребовать большую компенсацию за причиненный урон. Время от времени Делла Стрит появлялась в кабинете, чтобы получить инструкции по тем или иным вопросам, как было всегда, когда Мейсон готовился к важному процессу, занимавшему все его время.

Мейсон как раз указывал юрисконсультанту на один серьезный недостаток их позиции, когда Делла Стрит вновь зашла в кабинет:

– Пол Дрейк на линии, босс. Он говорит, это важно.

Мейсон кивнул, взял трубку. Дрейк вместо привычного растягивания слов заговорил очень быстро:

– Перри, я в отеле «Регал». Думаю, тебе нужно приехать немедленно, если тебя по-прежнему интересует этот епископ.

– Уже еду, – Мейсон положил трубку и потянулся за шляпой. – Ты можешь идти, Делла, – добавил он, взглянув на часы. – Если что-нибудь понадобится, я позвоню тебе домой. Джексон,

продолжай готовить резюме с учетом наших сегодняшних замечаний, и дай мне ознакомиться с ним, прежде чем Делла его напечатает.

Мейсон выскочил в коридор, спустился в вестибюль, остановил такси и через пятнадцать минут уже входил в отель «Регал». Дрейк дожидался его в вестибюле в компании лысого мужчины с черной сигарой между толстых губ.

– Перри, познакомься с Джимом Паули, штатным детективом отеля, – представил своего спутника Пол.

– Добрый день, Мейсон, – поздоровался Паули и пожал руку адвоката, с профессиональным интересом вглядываясь в его лицо.

– Паули – мой давний друг, – Дрейк многозначительно сощурил один глаз, – и один из лучших специалистов своего дела. Я несколько раз пытался нанять его, но не хватило денег. У него есть голова на плечах, и он дал мне несколько ценных наводок. Его всегда нужно иметь в виду, Перри. Может помочь в самый ответственный момент.

Паули перекатил сигару из одного угла рта в другой. Откровенная лесть не очень-то ему и понравилась.

– Нет, я, конечно, не гений. Но дружу со здравым смыслом.

Рука Дрейка легла на плечо штатного детектива отеля.

– Скромность, Перри, его отличительная черта. Никогда не подумаешь, что именно он поймал «Ключников», банду воров, орудовавших в отелях. Конечно, полиция приписала все заслуги себе, но основную работу сделал Джим... Ладно, мы кое-что раскопали, Перри... Точнее, раскопал Джим. Я думаю, будет лучше, если ты все и расскажешь.

Штатный детектив отеля поднял руку, вытащил сигару изо рта и заговорил с важным видом, но тихим голосом и оглядываясь, словно опасался, что их подслушают:

– Видите ли, этот Уильям Мэллори остановился у нас, и я сразу взял его на заметку. Сегодня он куда-то уехал на такси, и я обратил внимание, что кто-то сел ему на хвост в другом такси. Обычный человек этого бы не заметил, но это моя работа. Меня этому учили, и я засек этого парня в тот самый момент, когда его такси отъехало от бордюрного камня. Я увидел, как он что-то сказал своему водителю, кивнув в сторону такси, на котором уехал Мэллори. Конечно, не услышал, что он сказал, но надобности в этом и не было. Тогда я и подумал, что надо уделить этому Мэллори повышенное внимание, потому что на хвост ему мог сесть кто угодно, от частного детектива до киллера. Решил заглянуть к нему после возвращения и сказать, что нам нужен его номер.

Так вот, когда он вернулся, в вестибюле сидела рыжеволосая женщина. Она поднялась, как только его заметила, и одарила ослепительной улыбкой. Он ей чуть кивнул и направился к лифту. Походка у него такая необычная. Ноги короткие, но он переставляет их с такой решимостью, словно забивает гвозди.

Я предположил, что эта дама в вестибюле ждала его, и буквально через пару минут присоединится к нему в номере. Знаете, не такое простое это дело, объявить постояльцу, что его номер нужен отелю. Иногда они встают в позу, угрожают судебными исками. По большей части, конечно, блефуют, но все равно доставляют массу хлопот. Поэтому спешить я не стал, решив подождать, пока эта пташка поднимется в номер, чтобы застать их... вы понимаете.

Мейсон кивнул, и Дрейк восторженно прошептал:

– Я говорил тебе, Перри, что он умен. Очень умен!

– И точно, меньше чем через пять минут женщина идет к лифту и поднимается в номер к этому Мэллори. Я собираюсь дать им десять минут, а потом громко постучать в дверь. Но не проходит трех, может, четырех минут, как она появляется вновь. Выскакивает из лифта и спешит к двери, словно за ней гонится дьявол. Я собирался ее остановить, но понял, что причины для этого нет, а мне хватит хлопот и с Мэллори. Она ведь не проживала в отеле, так

что обращаться к ней никаких прав у меня не было, и если бы она учинила скандал, виноватым оказался бы я.

Короче, я пошел в номер Мэллори, шестьсот второй, а там все перевернуто, как после драки. Разломан стул, зеркало разбито, а этот Мэллори неподвижно, как колода, лежит на кровати. Наверняка, шум был страшный, но так вышло, что в номере этажом ниже никого не было, как и в номерах по обе стороны и напротив шестьсот второго. Я подскочил к нему, прощупал пульс и понял, что сердце бьется. Слабенько, но бьется. Схватил телефонную трубку, приказал Мейми, она сегодня на коммутаторе, вызвать скорую помощь. Через пять минут появились медики и взялись за него.

– Он пришел в себя? – спросил Мейсон.

– Нет, конечно, – ответил Паули. – Хорошо хоть дышал. И мне не хотелось, чтобы отель упомянули в криминальной хронике. Пока о драке никто не знал, вот я и уговорил медиков воспользоваться грузовым лифтом и вынести Мэллори через черный ход. Но вот что интересно. Подъехала вторая скорая. Мейми сказала, что вызвала только одну, но на скорой подтвердили, что было два вызова в отель, и оба раза звонила молодая женщина. Я уверен, что второй звонок был от той рыжеволосой крошки, которая сначала вырубил его, а, убежав из отеля, вызвала-таки скорую.

Мейсон кивнул. Паули сунул изжеванный конец сигары в рот и чиркнул спичкой. Мейсон поверх его головы посмотрел на Пола Дрейка и, воспользовавшись моментом, вскинул брови. Дрейк кивнул в ответ на невысказанный вопрос адвоката и взял инициативу на себя.

– Перри, а ведь ты наверняка хочешь посмотреть, как работает настоящий детектив. Давай попросим Джима подняться в номер и осмотреть его. Если напавший на Мэллори оставил улики, Джим, конечно же, их найдет. Как только ты приехал сюда, и зная, что это расследование очень тебя заинтересовало, я предположил, что ты захочешь увидеть, как работает мастер своего дела.

Паули выдохнул несколько облачков белого дыма.

– Да ладно, я не гений, – пробурчал он. – Но действительно знаю свое дело.

– Ты абсолютно прав, Пол, – кивнул Мейсон. – Мне очень хочется увидеть, как работает Паули.

– Хорошо, – ответил тот. – Конечно, полиции не понравится, если они узнают, что я показывал место преступления кому-то еще. Обычно они хотят, чтобы штатные детективы стояли в углу, пока толпа дуболомов, которых назначили благодаря политическим связям, вылезет на первый план и затопчет улики. Если вы пообещаете ничего не трогать, тогда мы сейчас поднимемся в номер и все там осмотрим. Может, мне действительно удастся чему-то научить мистера Мейсона.

Он направился к лифту, толстым пальцем нажал на кнопку вызова и чуть откинул голову назад, чтобы не чувствовать табачного дыма. Кабина лифта остановилась, и Паули вошел в нее. Мейсон задержался, чтобы шепотом спросить у Дрейка: «Твои люди уже включились?» Дрейк кивнул и последовал в кабину за детективом отеля.

– Шестой, – приказал Паули, и кабина пошла вверх. Когда остановилась, Паули вышел первым.

– Сюда, парни, – и зашагал по длинному коридору.

– Один из моих людей взял ее след, но Паули знать об этом не должен, – шепнул Дрейк адвокату. Следом за детективом отеля они направились к номеру в дальнем конце коридора. Паули достал мастер-ключ и открыл дверь со словами:

– Ничего не трогайте.

Перевернутый стул со сломанными перекладинами, торшер на полу, разбитая лампа, блестевшие на ковре, как кусочки льда, крошечные осколки стекла. Зеркало разлетелось на множество клиновидных осколков, несколько оставались в раме. На белом покрывале вмятина от тела

Мэллори. Кожаный саквояж с наклейкой «ВЕРНУТЬ В КАЮТУ ПАРОВОЗОДА «МОНТЕРЕЙ»» валялся на полу. Несколько предметов одежды, похоже, успели из него вытащить и бросить рядом. Тут же стоял открытым шкаф для верхней одежды. На полу лежала перевернутая пишущая машинка. С наклейкой на футляре: «ВЕРНУТЬ В ПАССАЖИРСКИЙ САЛОН ПАРОВОЗОДА «МОНТЕРЕЙ»». За приоткрытой дверцей стенового шкафа виднелись три или четыре костюма. Взгляд Мейсона остановился на кожаном портфеле. Замок вырезали острым ножом, оставив жалкий лоскуток кожи.

– Рыжеволосая пыталась ограбить его, – объявил Паули. – Он ее поймал, она его вырубил и решила хоть чем-то поживиться, скорее всего, искала деньги.

– Видать, эта рыжеволосая – крутая штучка, – заметил Мейсон.

Паули мрачно рассмеялся и обвел рукой разгромленный номер.

– Более чем. – Мейсон кивнул. А Паули уже доставал из кармана карандаш. – Прежде всего, я должен сделать инвентаризацию всего, что находится в номере. Когда этот мужчина очнется, он начнет перечислять, что пропало, и, скорее всего, заявит, что часть вещей исчезла после того, как его увезли в больницу, потому что отель не обеспечил должной охраны его собственности. Вы даже представить себе не можете, на какие ухищрения идут люди, останавливающиеся в отеле. За ними нужен глаз да глаз!

– Знаешь, Перри, – подал голос Дрейк, – большинство людей думает, что штатный детектив отеля не чета другим парням, потому что не находится на передовой борьбы с преступностью, но можешь мне поверить, хороший штатный детектив даст фору многим и многим.

Мейсон согласно кивнул.

– Что ж, я думаю, нам пора, Пол.

– Я думал, что вы задержитесь, – в голосе Паули слышалось разочарование.

– Нет, мне просто хотелось посмотреть, как вы работаете, и я все увидел. Вы собираетесь сделать полную инвентаризацию?

– Совершенно верно.

– Вплоть до последней мелочи, что находится в номере?

– Да. И это займет не так, чтобы много времени.

– Мне бы хотелось глянуть на результат, чтобы посмотреть, как вы составляете список.

Паули достал из кармана блокнот.

– Хорошо.

– Мы к вам еще заглянем, а пока премного вам благодарен. Это чистое удовольствие, смотреть, как вы работаете. Многие даже не обратили бы внимания на ту женщину в вестибюле.

Паули согласно кивнул.

– Она вела себя чертовски умно. Просто встала и чуть повела бровями, вот и весь сигнал, который она дала. Вероятно, она где-то пересеклась с ним и договорилась о встрече в его отеле.

– Что ж, – Мейсон ткнул Дрейка локтем в ребра, – пошли.

Паули проводил их до лифта, а потом вернулся в номер, чтобы продолжить инвентаризацию.

– Не знал, захочешь ли ты подыграть ему, Перри, но решил дать тебе такую возможность, на всякий случай, – сказал Дрейк. – Он, конечно, самодовольный тип, но отельные дела действительно знает. И чуточка лести творит с ним чудеса.

– Я просто хотел взглянуть на номер, – ответил Мейсон. – Как я понимаю, епископ обнаружил слежку. Решил избавиться от «хвоста», вот и оставил таксиста дожидаться его, а сам поспешил в отель. Люди, которые интересовались епископом, понадеялись на парня, который осуществлял слежку, рассчитывая, что тот не упустит епископа из виду, а у них появится время на досмотр багажа. Но епископ, вернувшись, застал их врасплох, что привело к драке.

– А как в этот расклад вписывается рыжеволосая дама из вестибюля? – спросил Дрейк.

– Именно это нам необходимо выяснить. Я надеюсь, твоим людям удалось взять ее след.

– Я думаю, что взяли. Чарли Даунс получил приказ брать под наблюдение всех, кто выказал интерес к епископу. Я позвоню в контору и узнаю, нет ли от него новостей.

Дрейк позвонил по телефону-автомату в вестибюле, несколько минут поговорил и вышел из будки, широко улыбаясь.

– Есть! Чарли только что отзвонился. Он на Адамс-стрит, напротив многоквартирного дома. Рыжеволосая вошла в подъезд.

– Отлично, – кивнул Мейсон. – Поехали.

Прибыв к нужному дому на Адамс-стрит, Дрейк поставил свой автомобиль впритык к «шевроле» старой модели, припаркованному у тротуара. Сидящий внутри мужчина вышел из машины и медленным шагом направился к ним.

– Что удалось выяснить? – спросил Дрейк.

Чарли Даунс, долговязый и нескладный, не стал вынимать сигарету и заговорил правым уголком рта, стоя к мужчинам в профиль и не отрывая глаз от входной двери:

– Рыжая бабенка вскочила при появлении епископа, давая понять, что знает его. Он ей чуть кивнул и проследовал в свой номер, шестьсот второй. Чуть позже на лифте поднялась и бабенка. Я не решился последовать за ней, но обратил внимание, что лифт остановился на шестом этаже. Пару минут спустя бабенка спустилась вниз, очень нервная. Пересекла вестибюль, выскочила на улицу, направилась к аптеке, оттуда позвонила. Вышла из магазина, поймала такси и приехала сюда.

– Пыталась сбросить «хвост»? – спросил Мейсон.

– Нет.

– И где она живет?

– Она заглянула в почтовый ящик в нижнем ряду на правой стороне. Я посмотрел. Квартира триста двадцать восемь. Звать ее Джейнис Ситон. Я позвонил в пару квартир, и дверь мне открыли. Я вошел и посмотрел на индикатор лифта. Он стоял на третьем этаже.

– Молодец, – похвалил его Дрейк. – Думаю, что-то у нас есть. Оставайся здесь, Чарли, и если она вдруг выйдет, двигай следом. А мы поднимемся к ней.

Даусон кивнул и сел обратно в свой автомобиль. Дрейк заметил, что Мейсон пристально разглядывает его.

– Детектив может ездить только на таком. Достаточно примелькавшийся, чтобы не привлекать внимания, достаточно надежный, чтобы довезти, куда надо, а если придется втискиваться в узкий зазор у тротуара, так еще одна вмятина на бампере погоды не сделает.

Мейсон улыбнулся.

– Позвоним девушке, Пол?

– Ни в коем случае. Не дадим ей шанса покинуть сцену. Обрушимся на нее лавиной. Давай позвоним другим жильцам.

Он наугад выбрал пару квартир и звонил, пока кто-то не открыл им. Распахнув дверь, Дрейк пропустил вперед адвоката, и оба направились к лестнице. Найдя квартиру триста двадцать восемь, они прислушались и услышали целенаправленные торопливые шаги.

– Похоже, кто-то собирает вещи, – предположил Дрейк.

Мейсон кивнул и мягко забарабанил пальцами по деревянной панели.

– Кто там? – Тут же ответил перепуганный женский голос.

– Заказное письмо, экспресс-доставка, – объявил Мейсон.

– Подсуньте под дверь, пожалуйста.

– С вас два цента.

– Минуточку.

Шаги удалились от двери и тут же вернулись. Женщина предприняла попытку подсунуть два цента под дверь.

– Открывайте дверь, – рявкнул Мейсон. – Я почтальон. Сколько мне здесь стоять?

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась. Мейсон вставил мысок ботинка в щель. Молодая женщина вскрикнула и попыталась захлопнуть дверь, но Мейсон с легкостью распахнул ее.

– Не волнуйтесь, Джейнис. Мы хотим лишь поговорить с вами. – Он увидел на полу чемодан, вытащенный из гардеробной, а на кровати – ворох одежды. – Уезжаете?

– Кто вы и почему ворвались в мою квартиру? Где заказное письмо?

Мейсон указал на стул.

– Присядь, Пол. Чувствуй себя, как дома. – Сам адвокат присел на край кровати. Девушка смотрела на них перепуганными синими глазами. Она оказалась стройной, хорошо сложенной, крепкой, с волосами цвета медной проволоки и белоснежной кожей и была очень испуганна. – Вам тоже лучше сесть.

– Кто вы? Зачем пришли ко мне?

– Хотим кое-что узнать о епископе Мэллори.

– Не понимаю, о ком вы говорите. Не знаю никакого епископа Мэллори.

– Вы сегодня приходили в отель «Регал», – напомнил Мейсон.

– Я туда не приходила! – глаза девушки сверкнули праведным гневом.

– Вы поднимались в номер Мэллори. Детектив отеля заметил, как вы встали, едва он вошел в вестибюль, и он вам кивнул. Мы, возможно, сможем помочь вам, но при условии, что вы честно все расскажете.

– Вы понимаете, в каком положении? – вставил Дрейк. – Насколько нам известно, вы были последней, кто видел епископа живым.

Она прижала кулачок к зубам, костяшки пальцев побелели. Глаза от ужаса потемнели.

– Живым? – воскликнула она. – Так он умер?

Джейнис резко села и заплакала. Мейсон, в глазах которого читалось сочувствие, посмотрел на Пола Дрейка и покачал головой.

– Не наезжай.

Детектив нетерпеливо отмахнулся.

– Если как следует их не напугать, толку не будет. Оставь это мне. – Он встал, подошел к девушке, положил ладонь на лоб, откинул ее голову назад и оторвал носовой платок от ее глаз. – Ты его убила?

– Нет! – воскликнула Джейнис. – Говорю вам, я его знать не знаю. Не понимаю, о чем вы говорите, а кроме того, он не умер.

– Подожди, Пол, – вмешался Мейсон. – А теперь слушайте внимательно, Джейнис. Так вышло, что за епископом Мэллори следили несколько человек. Я не собираюсь рассказывать вам, кто они и почему это делали, но за ним следили, когда он вернулся в свой отель. Вы ждали его в вестибюле и дали о себе знать. Он знаком предложил вам чуть подождать и подняться к нему в номер. Вы действительно подождали четыре или пять минут, а потом направились к лифту. Но вернулись очень быстро и очень взволнованной. За вами уже следили мои сотрудники, которые обучены запоминать людей. Так что лгать вам нет никакого смысла. Покинув отель епископа, вы пошли к ближайшему телефону-автомату и вызвали скорую и тем самым сильно подставились. Я лишь пытаюсь снять вас с крючка.

– Кто вы?

– Друг епископа Мэллори.

– Откуда мне это знать?

– На текущий момент вы должны поверить мне на слово.

– Я хочу чего-то более весомого.

– Ладно, я и ваш друг.

– Откуда мне это знать?

– Потому что я сижу здесь и беседую с вами вместо того, чтобы звонить в полицию.

– Он не умер? – спросила Джейнис.

– Да, он не умер.

Дрейк нетерпеливо махнул рукой.

– Так ты ничего не добьешься, Перри. Теперь она намерена лгать.

Девушка резко повернулась к нему.

– А вы заткнитесь! Ему я расскажу гораздо больше, чем рассказала бы вам.

– Я знаю таких, Перри, – гнул свое Дрейк. – Их можно взять разве что на испуг. Только страх может развязать им язык. А если играть с ними на равных, они выскользнут, как утекает вода между пальцами.

Но девушка уже смотрела на Перри Мейсона.

– Вам я скажу правду. Я ответила на объявление в газете.

– И таким образом встретились с епископом.

– Да.

– И что это было за объявление?

Она ответила после короткой паузы:

– Ему требовалась дипломированная медицинская сестра, безотказная и заслуживающая доверия.

– Вы – дипломированная медсестра?

– Да.

– И сколько людей ответили на объявление?

– Не знаю.

– Когда вы ответили на объявление?

– Вчера.

– Епископ сообщил вам имя и адрес?

– Нет, только абонентский ящик.

– Вы ответили на объявление. Что произошло?

– Епископ позвонил, сказал, что мое письмо ему понравилось, и он хочет провести собеседование.

– Когда это было?

– Вчера, поздно вечером.

– То есть сегодня вы пришли в отель на собеседование?

– Нет, я пошла в отель вчера вечером, и он нанял меня.

– Сказал, для чего?

– Он сказал, чтобы ухаживать за пациентом.

– Сертификат у вас есть? – вмешался Дрейк.

– Да.

– Покажите.

Джейнис открыла чемодан, достала конверт из плотной бумаги, передала Дрейку и тут же повернулась к Мейсону. Теперь она держалась более уверенно и спокойно, но во взгляде добавилось настороженности.

– В какой газете было объявление? – спросил Мейсон.

– Я не помню. В одной из вечерних газет вчера или позавчера. Кто-то его заметил и обратил мое внимание.

– И епископ Мэллори нанял вас?

– Да.

– Он сказал, что не так с пациентом?

– Нет, не сказал. Я поняла, что речь о психическом заболевании или о чем-то таком.

– А с чего эти сборы? – спросил Пол Дрейк, возвращая конверт.

– Епископ Мэллори сказал, что я отправлюсь с ним и пациентом в путешествие.

– Он сказал куда?

– Нет.

– И попросил встретиться с ним в отеле?

– Да. Я не должна была заговаривать с ним в вестибюле. Если его планы не менялись, он намеревался кивнуть мне, а от меня требовалось подняться в его номер через пять минут.

– С чего такая таинственность? – спросил Дрейк.

– Не знаю. Он мне не говорил, а я не спрашивала. Он епископ, то есть я знала, что с ним можно иметь дело, и он платил хорошие деньги. Опять же, вы знаете, какими бывают психические больные. Могут стать буйными, заметив, что их лечат или даже просто держат под наблюдением.

– Итак, вы поднялись в номер, – кивнул Мейсон. – Что вы там нашли?

– В номере царил беспорядок. Епископ лежал на полу. Без сознания. Пульс был слабый, но ровный. Я уложила его на кровать. Это было тяжело... Очень тяжело.

– В номере был кто-то еще?

– Нет.

– Дверь была заперта или нет?

– Приоткрыта на дюйм или два².

– В коридоре кого-то видели?

– Когда поднялась на шестой этаж?

– Да.

– Нет.

– Кто-нибудь вошел в лифт, когда вы вышли из него?

– Нет.

– Почему в отеле вы никому не сказали, в каком состоянии нашли епископа?

– Не видела в этом необходимости. Они бы ничем не смогли помочь. Я вышла из отеля и вызвала скорую.

– А потом пришли сюда и принялись собирать вещи, чтобы сбежать? – фыркнул Дрейк.

– Сбежать я не собиралась. А вещи собрала раньше, после того, как епископ сказал, что нам предстоит путешествие. Он сказал, что пациент отплывает на пароходе «Монтерей».

– И какие теперь ваши планы?

– Буду ждать здесь, пока епископ не даст о себе знать. Не думаю, что травма у него серьезная. Он придет в сознание через час или два, если не возникнет проблем с сердцем.

Мейсон встал.

– Ладно, Пол, думаю, она рассказала нам все, что знает. Пошли.

– Ты собираешься оставить ее в покое, Перри?

Глаза адвоката стали суровыми.

– Естественно. Твоя проблема, Пол, в том, что ты слишком часто имеешь дело с преступниками, вот и не знаешь, как вести себя с женщиной, которая не сделала ничего предосудительного.

Дрейк вздохнул.

– Твоя взяла. Пошли.

Джейнис Ситон подошла к Мейсону и дружески сжала его руку.

– Спасибо вам большое. Вы настоящий джентльмен.

Мужчины вышли в коридор. Дверь за ними тут же закрылась, а мгновением позже щелкнул замок. Дрейк повернулся к Мейсону.

– С чего такая мягкотелость, Перри? Мы могли бы что-нибудь из нее вытащить, если бы убедили ее, что ей грозит обвинение в убийстве.

² Примерно 2,6–5 см.

– Мы и так выяснили предостаточно, – ответил адвокат. – Эта девица что-то задумала. Если у нее возникнут подозрения, что мы о чем-то догадываемся, нам этого никогда не узнать. Пусть думает, что навешала нам лапшу на уши, а в итоге даст какую-то ниточку. Пришли Чарли подмогу, пусть контролируют каждый ее шаг. А ты возвращайся в отель «Регал». Погладь своего приятеля-детектива по головке и постарайся узнать, помнит ли он, кто спустился по лестнице в вестибюль вскоре после того, как Джейнис Ситон поднялась на лифте, и до того, как он сам последовал за ней.

– Что-нибудь еще? – спросил Дрейк.

– С рыжей не спускать глаз и незамедлительно передавать мне всю информацию, которую удастся раскопать. Насчет автомобильной аварии, о епископе и так далее. Епископа тоже держать под наблюдением. Выясни, в какой он больнице и как себя чувствует.

– Спорим на двадцатку, он самозванец? – предложил Джейк.

Мейсон улыбнулся.

– Пока спорить не готов. Звони мне в офис и держи в курсе событий.

Глава 3

В пять часов офисные работники устремились к лифтам, чтобы влиться в реки людей, текущие по бетонным каньонам городских улиц. Через окна доносились свистки полицейских, регулирующих движение транспорта, гудки легковушек, звонки трамваев и гул работающих на холостых оборотах двигателей автомобилей, стоящих в пробке.

Делла Стрит, сидевшая за столом в приемной, заполняла книгу учета и подняла голову, услышав, как открылась дверь. Мейсон, улыбаясь, вошел в офис.

– Ты встретился с епископом Мэллори и выяснил, что к чему? – спросила она.

Мейсон покачал головой.

– Нет. Епископ не в том состоянии, чтобы проводить встречу. Сейчас он нездоров, и пока не ясно, когда поправится. Принеси мне все сегодняшние и вчерашние газеты, Делла. Нам придется просмотреть все объявления о найме на работу.

Она направилась было в библиотеку, но остановилась:

– Можешь рассказать мне, что произошло, шеф?

Он кивнул.

– Мы проследили за епископом до его отеля. Кто-то огрел его дубинкой. А еще нашли рыжеволосую дамочку, которая понарассказывала нам множество сказок, но пару раз, не успевая придумать убедительную ложь, сказала правду.

– И что мы будем искать в газетах? – спросила Делла.

– Эта девушка сказала, что связалась с епископом, отвечая на объявление. Она, возможно, говорила правду, потому что епископ, скорее всего, незнакомец в городе. В любом случае, мы должны проверить эту версию и выяснить, удастся ли что-то найти. Загляни в раздел «Требуется помощь» и выясни, не искал ли кто молодую, не обремененную обязательствами и готовую путешествовать медицинскую сестру. Кстати, зовут ее Джейнис Ситон.

– А зачем епископу понадобилась медсестра? – спросила Делла.

– Сейчас она точно нужна ему самому, – улыбаясь, ответил Мейсон, – и, возможно, он чувствовал, что что-то произойдет, и собирался подстелить соломку. А ей сказал, что в путешествии она будет ухаживать за пациентом.

Делла Стрит повернулась и уверенной походкой, столь свойственной действительно компетентным секретаршам, скрылась за дверью библиотеки, чтобы несколько мгновений спустя вернуться с охапкой городских газет. Мейсон расчистил место на своем столе, выбрал сигарету и отдал команду:

– Ладно, начинаем.

На пару они принялись просматривать объявления в разделе «Требуется помощь». Где-то через пятнадцать минут Мейсон оторвался от газеты, моргнул и спросил:

– Нашла что-нибудь, Делла?

Она покачала головой, досмотрела последнюю колонку и только тогда оторвала взгляд от газеты.

– Пока ничего, босс.

Мейсон вздохнул и картинно поморщился.

– А теперь представь себе, как Дрейк теперь потопчется на моих костях. Я решил, что не нужно сильно нажимать на нее, и по глупости понадеялся, что смогу определить, когда она говорила правду, а когда лгала.

– Ты решил, что насчет объявления она сказала правду?

– Я так подумал, да. Может, не всю правду, но достаточно для того, чтобы дать нам возможность понять, что происходит.

– А с чего ты так подумал?

– Что ж, – медленно ответил Мейсон, – ты знаешь, как бывает, когда людям приходится лгать, не успев подготовиться заранее. Они говорят правду, пока это возможно, а потом придумывают ложь, которая связывает один фрагмент правды с другим. И говорят они в определенном ритме, пока совершенно уверены в сказанном, а потом чуть замедляются, придумывая связку. У меня сложилось впечатление, что насчет объявления она не лгала. – Адвокат поднялся и принялся кружить по кабинету, заложив большие пальцы за жилет и чуть наклонив вперед голову. – Беда в том, что Дрейк хотел крепко наехать на нее. Полагал, что мы сможем чего-то добиться, запугав ее. Возможно, он был прав. Но ты знаешь, какие они, рыжие. И эта, похоже, могла постоять за себя. Я предположил, что она вспыхнет и начнет отбиваться, пока не впадет в истерику. И не сомневался, что шансов у нас будет побольше, если не прижимать ее к стенке, а оставить место для маневра. То есть, решить все по-хорошему.

Зазвонил телефон. Делла Стрит, не отрывая глаз от газеты, на ощупь нашла и сняла трубку.

– Офис Перри Мейсона. – После короткой паузы она протянула трубку адвокату. – Пол Дрейк на линии.

Мейсон взял трубку.

– Привет, Пол. Что нового?

Обычно неспешный голос Дрейка вибрировал от волнения.

– Я нашел информацию по тому непредумышленному убийству, Перри. По крайней мере, надеюсь, что нашел. Женщина и мужчина уехали в Санта-Ану, чтобы пожениться. Они возвращались в Лос-Анджелес. За рулем сидела женщина. Оба пропустили по несколько стаканчиков. Она врезалась в автомобиль, за рулем которого сидел старый владелец ранчо, которому было под восемьдесят. И вот что любопытно. В тот момент никто ничего делать не стал: разве что записали имя, фамилию и адрес женщины. Старик умер через два дня. Но только четыре месяца спустя был выдан ордер на арест этой женщины по обвинению в непредумышленном убийстве. Здесь определенно что-то нечисто.

– Как звали женщину? – спросил Мейсон.

– Джулия Браннер, – ответил Дрейк. – Но к тому моменту она уже стала миссис Оскар Браунли. И на случай, если ты этого не знаешь, Оскар Браунли – сын Ренволда К. Браунли.

Мейсон присвистнул.

– Не было ли скандала, связанного с этой женитьбой?

– Не забывай, это был тысяча девятьсот четырнадцатый год. Браунли сделал состояние в тот период, когда акции быстро росли в цене, и ему хватило ума все продать перед самым крахом в двадцать девятом году. А в четырнадцатом году он занимался недвижимостью. Не бедствовал, конечно, но миллионером стал лишь двенадцатью годами позже.

– А почему они не арестовали эту женщину, имея на руках ордер?

– Потому что она и Оскар поссорились со стариком и уехали из страны. Оскар через год вернулся. Его отец как раз провернул несколько удачных сделок с недвижимостью. Появились лишние деньги, и он стал играть на бирже. А потом так вовремя продал принадлежащие ему акции.

– А где сейчас Оскар? Разве он не умер?

– Совершенно верно. Два или три года тому назад.

– У него осталась дочь, так?

– Да. И с дочерью много загадок. Ренволд, знаешь ли, так и не поладил с Оскаром. И лишь после его смерти решил признать внуку. Женитьба сына сильно его разочаровала, и он, вероятно, считал эту девочку – ошибкой ее матери, а не дочерью своего сына. Но два года тому назад нашел внуку и взял в свой дом. Все прошло по-тихому. Девушка просто переехала в дом Ренволда.

Мейсон нахмурился, прижимая трубку к уху левой рукой, и забарабанил пальцами правой руки по краю стола.

– Значит, мать девушки, которая сейчас живет в роскошном особняке Ренволда Браунли в Беверли-Хиллс, – беглая преступница, обвиняемая, согласно ордеру, выданному в округе Орандж двадцать два года тому назад, в непредумышленном убийстве?

– Совершенно верно, – подтвердил Дрейк.

– Действительно, интересная получается история. А что слышно о епископе, Пол?

– Все еще без сознания в приемном отделении, но хирурги говорят, что ничего серьезного. Он придет в себя с минуты на минуту. Его переведут в частную больницу. Я узнаю, куда именно, и сообщу тебе.

– За этой Ситон наблюдают?

– Не то слово. Отправил туда двоих. Один караулит у парадной двери, второй – у черного хода. Жаль, что ты не позволил мне поработать с ней, Перри. Мы бы взяли ее на испуг, и она...

Мейсон хохотнул.

– Редко ты сталкивался с рыжеволосыми, Пол. Все будет хорошо. Выясни все, что удастся, по части Браунли, и дай мне знать, если обнаружишь что-то существенное.

– Между прочим, я узнал кое-что о епископе. Он прибыл в Америку шесть дней тому назад на пароходе «Монтерей» и четыре дня прожил в Сан-Франциско, в отеле «Палас». Потом приехал сюда.

– Что ж, погляди, что можно узнать о его пребывании в Сан-Франциско. Выясни, кто заходил к нему в отель и все такое. Держи меня в курсе всего. Здесь я пробуду час или около того. Потом мы с Деллой пойдем куда-нибудь пообедать.

Мейсон положил трубку и продолжил кружить по кабинету. Но он не сделал и двух кругов, как Делла воскликнула:

– Подойди, босс. Ты все-таки был прав. Вот оно!

– Что?

– Объявление.

Мейсон подошел к секретарше, встал, положив руку ей на плечо и наклонился к объявлению, на которое указывал ее покрытый лаком ноготь: «ЕСЛИ ДОЧЬ ЧАРЛЬЗА У. И ГРЕЙС СИТОН, КОТОРАЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПРОЖИВАЛА В РИНО, ШТАТ НЕВАДА, СВЯЖЕТСЯ С АБОНЕНТСКИМ ЯЩИКОМ «ИКС-ИГРЕК-ЗЕТ» ГАЗЕТЫ «ЛОС-АНДЖЕЛЕС ЭКЗАМИНЕР», ОНА МОЖЕТ УЗНАТЬ ЧТО-ТО ВЕСЬМА ВАЖНОЕ».

Мейсон присвистнул.

– Так это колонка личных объявлений, так?

Делла кивнула, посмотрела на адвоката и улыбнулась.

– Видишь, я верю в твои суждения даже больше, чем ты сам. Раз ты думал, что насчет объявления она говорила правду, я поставила именно на это. И после того, как мы ничего не нашли в разделах «Требуется помощь» и «Есть работа», решила заглянуть в «Личные объявления».

– Давай заглянем и в «Таймс», – предложил Мейсон, – может, он разместил объявление и там. Когда опубликовали первое?

– Вчера.

Мейсон пододвинул к себе вчерашний номер «Таймс». Торопливо прошелся взглядом по разделу «Личные объявления», вновь присвистнул.

– Смотри сюда, Делла.

Вместе они прочитали: «ТРЕБУЕТСЯ ИНФОРМАЦИЯ, КОТОРАЯ ПОЗВОЛИТ МНЕ СВЯЗАТЬСЯ С ДЖЕЙНИС СИТОН, КОТОРОЙ 19 ФЕВРАЛЯ ИСПОЛНИТСЯ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА. ОНА – ДИПЛОМИРОВАННАЯ МЕДСЕСТРА, РЫЖЕВОЛОСАЯ, СИНИЕ ГЛАЗА, ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ, ВЕС СТО ПЯТНАДЦАТЬ ФУНТОВ, РОСТ ПЯТЬ ФУТОВ

И ОДИН ДЮЙМ³. ОНА – ДОЧЬ ЧАРЛЬЗА У. СИНОНА, КОТОРЫЙ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ ТОМУ НАЗАД ПОГИБ В АВТОМОБИЛЬНОЙ АВАРИИ. НАГРАДА В 25 ДОЛЛАРОВ ПЕРВОМУ, КТО СООБЩИТ ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ. АБОНЕНТСКИЙ ЯЩИК «ЭЙ-БИ-СИ» ГАЗЕТЫ «ЛЮС-АНДЖЕЛЕС ТАЙМС».

Делла Стрит взяла ножницы и вырезала оба объявления.

– Ну как?

Мейсон широко улыбнулся.

– Теперь я не упаду в глазах Дрейка.

– Как я понимаю, сюжет густеет.

Мейсон нахмурился.

– Да, густеет, как суп, который я сварил в последнем скаутском походе.

Делла рассмеялась.

– Ты извинился за такой суп, шеф?

– Черт, конечно, нет! Объяснил остальным, что этот рецепт узнал у шеф-повара знаменитого нью-йоркского ресторана. Это, мол, «Суп тысячи островов». Ладно, позвони Полу Дрейку и скажи, что мы идем обедать. Насчет объявлений ничего не говори. Поглядим, доберется ли он до них. И скажи, что мы встретимся после обеда.

– Послушай, босс, а ты не ставишь телегу впереди лошади? Мы многое выяснили о епископе, но для него – самую малость. В конце концов, епископа интересовало расследование непредумышленного убийства.

Мейсон покачал головой.

– Он сказал, что его интересовало то давнее расследование. Но я почувствовал, что за этим стоит что-то еще, и не ошибся. А теперь меня тревожит, что мы столкнулись с чем-то весьма серьезным. Я пытаюсь сложить два и два, но пока получаю шесть.

³ 52 кг, рост 155 см.

Глава 4

Заказывая коктейли и обед, Перри Мейсон пребывал в прекрасном расположении духа, что случалось не так и часто. Делла Стрит, проработавшая с ним много лет, без труда уловила его настроение.

– Поймал волну, босс, так?

Он кивнул, его глаза радостно поблескивали.

– Как я люблю загадки, Делла! Ненавижу рутину. Ненавижу мелкие детали. Мне нравится разгадывать замыслы преступников. Нравится, когда люди мне лгут, а я могу поймать их на лжи. Нравится слушать людей и задаваться вопросом, сколь много в сказанном ими правда и сколько – ложь. Мне нравится складывать факты вместе, один за другим, как элементы пазла.

– Так ты думаешь, что заикающийся епископ как-то пытался использовать тебя в своих интересах?

Мейсон повертел в пальцах пустой бокал из-под коктейля.

– Если б я это знал, Делла, – ответил он. – Епископ ведет очень тонкую игру. Я это почувствовал, едва он переступил порог моего кабинета, и сразу уловил его стремление держать меня в неведении относительно его настоящей цели. Поэтому я получаю удовольствие от того, что могу его переиграть, узнать, что он хочет до того, как соблаговолит мне рассказать. Пойдем потанцуем.

Мейсон увлек ее на танцпол, где они двигались в идеальном ритме, который дается только многолетней практикой. Танец закончился и, вернувшись к столу, они увидели, что им уже принесли первое заказанное блюдо.

– Расскажи мне о деле, – предложила Делла. – Если хочешь.

– Хочу, – заверил ее Мейсон. – Хочу пройти по всем фактам, только для того, чтобы увидеть, что с чем не сходится. Какие-то ты знаешь, какие-то – нет.

Давай начнем с самого начала. Ко мне приходит мужчина, заявляющий, что он – австралийский епископ. Он нервничает и заикается. Всякий раз, когда заикается, злится на себя. Почему?

– Потому что он знает, что епископ не должен заикаться, – ответила Делла. – Возможно, заикаться он начал недавно, испытал эмоциональный шок, и тревожится, что его ждет, если он вернется в Австралию заикой.

– Прекрасно, – кивнул Мейсон. – Отличное логическое объяснение. То самое, что пришло мне в голову с самого начала. Но, допустим, этот мужчина – не епископ, а преступник, выдающий себя, по тем или иным причинам, за епископа Мэллори из австралийского Сиднея. И есть у него склонность к заиканию, когда он нервничает. И когда он изо всех сил старается не заикаться, заикание только усиливается. Вот он и боится, что заикание его выдаст.

Делла медленно кивнула.

– Далее, епископ хочет видеть меня из-за расследования непредумышленного убийства, – продолжил Мейсон. – Он не упоминает имен, но не вызывает сомнений, что в дело о непредумышленном убийстве вовлечена Джулия Браннер, которая стала миссис Оскар Браунли. Оскар был старшим из двух сыновей Ренволда К. Браунли.

Рассказывать тебе о сыновьях Браунли необходимости нет. Младший умер шесть или семь лет тому назад. Оскар уехал с женой, и никто не знал, куда. Потом вернулся один. Над ней висело обвинение в непредумышленном убийстве, выдвинутое в округе Орандж лишь через некоторое время после той автомобильной аварии.

– И что? – спросила Делла.

– Так вот, допустим, я скажу тебе, что Ренволд Браунли знал о возвращении сына и опасался, как бы с ним не приехала его жена. Думаю, ему не составило труда использовать свои

политические связи и добиться ордера на арест. То есть, как только она ступила бы на территорию Калифорнии, ее отправили бы в тюрьму по обвинению в непредумышленном убийстве.

Делла Стрит рассеянно кивнула и отодвинула пустую тарелку.

– В особняке Браунли живут его внук и внучка, так?

– Совершенно верно, – кивнул Мейсон. – Филип Браунли, сын его младшего сына, и девушка, чье имя я забыл, дочь Оскара. Теперь епископ Мэллори прибывает на пароходе «Монтерей», проводит четыре или пять дней в Сан-Франциско, дает объявления в местные газеты и...

– Минуточку, – прервала его Делла. – Я кое-что вспомнила. Ты сказал, что епископ был на пароходе «Монтерей»?

– Да, и что?

– Босс, ты так много знаешь о человеческой природе. Почему стенографистки, секретарши и продавщицы читают светские новости?

– Понятия не имею. Почему?

Делла пожала плечами. На мгновение ее глаза затуманились.

– Если бы я знала, шеф. Я умерла бы с голоду, если бы не работала, и однако мне нравится читать о тех, кто живет в Палм-Спрингс, о том, кто что делает в Голливуде, и тому подобном, и все знакомые мне секретарши ведут себя точно также.

– Обойдемся без преамбулы, Делла. – Мейсон пристально посмотрел на нее. – Просто объясни, в чем дело.

– Просто я вспомнила, что Джейнис Элма Браунли, внучка Ренволда К. Браунли, находилась на борту парохода «Монтерей», следующего из Сиднея в Сан-Франциско. Газеты сообщили, что вся светская жизнь на корабле вращалась вокруг этой симпатичной молодой наследницы или что-то в этом роде. В общем, ты меня понял. Видишь, босс, ты не знаешь имени внучки, зато я могу много чего рассказать тебе о ней.

– Двенадцать, – вырвалось у адвоката.

– Двенадцать? – переспросила Делла.

– Двенадцать, – повторил Мейсон, и его глаза весело блеснули.

– Босс, о чем ты говоришь?

– Совсем недавно я сказал тебе, что в этом расследовании, складывая два и два, я получаю не четыре, а шесть, и меня это тревожило. Теперь при сложении двух и двух у меня получается двенадцать.

– В каком смысле?

Он покачал головой.

– Давай какое-то время даже не думать об этом. Не так часто нам выдается шанс расслабиться, Делла. Давай есть, пить и веселиться, потанцуем, а потом вернемся в офис и пригласим на совещание Дрейка. К тому времени идея, которая вертится у меня в голове, вероятно, обернется миражом. А если это не мираж, – мечтательно добавил Мейсон, – тогда у нас потрясающее расследование. Расследование-сенсация. Настоящая бомба!

– Поясни, шеф.

Он покачал головой.

– Едва ли так будет, Делла. Это всего лишь мираж. Давай пока про это забудем, и тогда не ощутим разочарования, если информация, которую добудет Пол Дрейк, покажет, что мои умозаключения не стоят и ломаного гроша.

– Ты хочешь сказать, эта девушка... – начала Делла.

– Стоп, стоп, – прервал он ее. – Не спорь с боссом. Пойдем, заиграли фокстрот. Помни, даем мозгам отдых.

Мейсон не спешил закончить обед, не говорил больше и о делах. Делла ему подыгрывала. Больше часа они наслаждались возможностью отдохнуть, которая так редко выпадает людям,

работающим вместе, делящим победы и поражения и так хорошо понимающим друг друга, что отпадала всякая необходимость в лицемерии, столь часто становящимся неотъемлемой частью человеческих отношений.

И лишь когда унесли пустые тарелки из-под десерта, адвокат допил последнюю каплю ликера и со вздохом сказал:

– Что ж, Делла, продолжим гонку за миражом и попробуем доказать, что это все-таки мираж.

– Ты так думаешь?

– Не знаю, и боюсь думать, что нет. В любом случае, давай позвоним Дрейку. Пусть подойдет в офис.

– Послушай, босс, вот о чем я подумала, – Делла встала из-за стола. – Допустим эта женщина, зная об ордере на ее арест, выданном в Калифорнии, убежала в Австралию, и...

– Ни слова больше, – Мейсон положил руку ей на плечо. – Давай не будем летать в облаках. Мы должны твердо стоять на земле. Позвони Полу Дрейку и скажи, что мы ждем его в офисе, а я поймаю такси.

Она кивнула, но по глазам чувствовалось, что мыслями она вся в расследовании.

– Разумеется, если епископ – самозванец...

Мейсон наставил на нее указательный палец и согнул большой, будто это курок револьвера.

– Молчи или стреляю!

Делла рассмеялась.

– Я позвоню Полу, пока буду пудрить носик, босс, – и исчезла в дамской комнате.

Пол Дрейк постучал в выходящую в коридор дверь кабинета Перри Мейсона, и Делла Стрит впустила его.

– Вижу, вы вкусно пообедали, – улыбаясь, отметил Дрейк.

От ресторанной беззаботности Мейсона не осталось и следа. Лицо стало напряженным, взгляд пронзительным.

– Что у нас с епископом, Пол? – спросил он.

– Епископ в настоящее время может передвигаться самостоятельно, – ответил детектив. – Выписался из больницы и вернулся в отель. Правда, без шляпы. На голове столько бинтов, что видны только один глаз и кончик носа. Согласно последним донесениям, в таком виде едва ли он сможет читать проповеди.

– А как эта Ситон?

– По-прежнему в своей квартире на Западной Адамс-стрит. Не выходила оттуда. Вероятно, ждет звонка епископа, и не собирается уходить, пока он не позвонит.

Мейсон нахмурился.

– Нет в этом смысла, Пол.

– А по-моему, это как раз и имеет смысл, – возразил детектив. – Она собирала вещи, когда мы заглянули к ней. Несомненно, готовилась к отъезду. Она признала, что собиралась в путешествие с епископом или с пациентом, с которым он собирался ее связать. Вот и ждет, пока епископ даст ей более четкие инструкции. Она сидит у себя с того самого момента, когда епископа отвезли в больницу.

– Не уходила на обед?

– Не открывала даже дверь черного хода, чтобы вынести мусор, – ответил Дрейк.

– Твои люди следят и за парадной дверью, и за черным ходом?

– Совершенно верно. Человек, который проследовал за ней из отеля, наблюдает за парадной дверью, а через пять минут после нашего отъезда другой мой сотрудник взял под контроль черный ход.

– Делла нашла кое-что интересное, – сменил тему Мейсон. – Возможно, важное. Джейнис Элма Браунли приплыла из Австралии на пароходе «Монтерей».

– А что тут интересного или важного? – спросил Дрейк.

– Епископ Мэллори прибыл на том же пароходе. Они провели вместе две или три недели. И если только я сильно не ошибаюсь, женщина, которой интересовался епископ в связи с непредумышленным убийством, – мать этой молодой красотки.

Дрейк задумчиво нахмурился.

– Мы с Деллой помозговали над этой идеей, Пол. Может, все это бред. Я даже не решился озвучивать мои мысли. Хочу, чтобы ты послушал и высказал свое мнение.

– Валяй, – кивнул Дрейк. – Всегда готов находить дыры в твоих идеях.

– Допустим, эта Браннер сбежала в Австралию. Допустим, она родила девочку после того, как Оскар Браунли вернулся в Штаты. Допустим, епископ Мэллори, тогда священник англиканской церкви, пристроил девочку в хорошие руки. Допустим, отдал ее в семью по фамилии Ситон, а потом, допустим, отплыв в Америку на пароходе «Монтерей», встретил на корабле девушку, которая представлялась всем, как Джейнис Браунли. Он знал, что она – самозванка, но, допустим, не стал торопиться с разоблачениями. Сначала решил собрать более веские улики, к примеру, найти настоящую внучку Браунли. Так что у меня не складывается?

Дрейк ответил после короткой паузы.

– Знаешь, Перри, это все-таки бред. Во-первых, у тебя одни предположения. Во-вторых, мать не могла не знать о переезде девочки в особняк Браунли, а если бы туда приехала не та девушка, она бы подняла дикий шум.

– Допустим, – прервал его Мейсон, – что мать находилась за пределами штата и ничего не знала, но только что выяснила. Тогда она приехала бы сюда и учинила скандал.

– Но она не приехала, – указал Дрейк. – И это лучший ответ. Опять же, не забудь, что симпатичные девушки сильно меняются, превращаясь из младенца в ослепительную наследницу. Епископа Мэллори, возможно, больше интересовали пастырские обязанности, чем усыновление или, как в нашем случае, удочерение чужих детей. Нет, Перри, я думаю, тебя потянуло не туда. Но вполне возможно, что кто-то хочет развести нашего миллионера, и для того, чтобы это проверить, в частности, для придания достоверности, им требуется некий епископ Мэллори, потому что, заслав липового епископа Мэллори к доверчивому, но агрессивному адвокату и скормив последнему душещипательную историю, в итоге в колеса телеги Браунли могут наставить столько палок, что он согласится заплатить деньги, при условии, что от него отстанут.

– То есть ты думаешь, что этот епископ – липовый? – спросил Мейсон.

– С самого начала я не сомневался, что епископ – преступник. Не нравится мне его заикание, Перри.

– Мне тоже, раз ты об этом упомянул, – медленно ответил Мейсон.

– Ну вот, – ухмыльнулся Дрейк, – наконец-то мы на чем-то сошлись.

– Поэтому я думаю, что нам нужно вновь поговорить с епископом Мэллори, если только он не свяжется с нами первым. Как давно он в отеле, Пол?

– Полчаса, может, чуть дольше. После того, как он пришел в себя, хуже ему не стало, разве что болит голова, да повязка вместо шляпы.

– Что он сказал полиции?

– Что открыл дверь номера, и кто-то выпрыгнул из-за двери, ударил его по голове, и это все, что он помнит.

Мейсон нахмурился.

– Не складывается это с разбитым зеркалом и сломанным стулом, Пол. В номере дрались. Дрейк пожал плечами.

– Я знаю только то, что он сказал полиции. Разумеется, Перри, когда человека с такой силой бьют по голове, он забывает многое из того, что произошло.

– За епископом следят?

– Двое. Каждый в своем автомобиле. Не выпускаем его из виду.

– Давай вновь поговорим с этой Ситон и возьмем с собой Деллу. Эта рыжая – кипящий котел, но, возможно, Делла сможет расположить ее к себе.

– *Теперь* мы ничего из нее не вытащим, – в голосе Дрейка слышалось негодование.

– Почему упор на «теперь»? – спросил Мейсон.

– Не понравился мне твой подход, Перри. Я знаю таких, как она. Ее следовало запугать до смерти, убедить, что епископ убит и она – главная подозреваемая. Вот тогда она рассказала бы нам все, чтобы снять с себя обвинения.

– Часть сказанного ею – правда. К примеру, насчет того, что она связалась с епископом по объявлению, – Мейсон повернулся к Делле Стрит, которая протянула ему вырезанные из газеты объявления. Адвокат отдал их Дрейку, который хмуро прочитал их.

– И что все это значит, Перри?

– Не знаю, Пол. У меня только та версия, которую я тебе изложил. Из Австралии есть какие-нибудь новости?

– Нет. Я отправил моим коллегам описание и попросил сообщить нынешний адрес епископа.

– Я все-таки думаю, что ключ к этой загадке у Ситон, – задумчиво сказал Мейсон. – Мы заедем к ней, зададим несколько вопросов, а потом отправимся к его святейшеству заикающемуся епископу. И к тому времени, думаю, мы уже будем что-то знать.

– Конечно, Перри, это не мое дело, но почему мы должны тратить столько сил на расследование, которое может ни к чему не привести? – спросил Дрейк. – Тебе не заплатили, и никто, похоже, не испытывает насущной потребности в твоих услугах.

Мейсон пожал плечами.

– Боюсь, Пол, ты упускаешь потенциальные возможности возникшей ситуации. Во-первых, это загадка, а ты знаешь, как я к ним отношусь. Во-вторых, происходящее на наших глазах имеет все признаки того, что технически именуется «прелюдией».

– Прелюдией к чему? – осторожно спросил Дрейк, привычно чуть растягивая слова.

Мейсон взглянул на часы.

– Предполагаю, что не пройдет и двенадцати часов, как ко мне придет женщина, которую зовут Джулия Браннер или миссис Оскар Браунли.

– Предполагать ты можешь, Перри. И она может оказаться самозванкой. А если нет... Что ж, тогда у нас будет много работы.

Адвокат надел шляпу.

– Ладно. Пошли.

К многоквартирному дому на Западной Адамс-стрит они доехали на автомобиле Дрейка. Потрепанный автомобиль Чарли Даунса стоял на прежнем месте, а сам он возник из черных теней.

– Все тихо? – спросил Дрейк.

– Да, и под контролем, – Мужчина улыбнулся. – Как долго мне здесь торчать?

– Тебя сменят в полночь, – ответил детектива. – А пока занимайся порученным делом. Мы поднимемся наверх. Возможно, она уйдет сразу после нас. Если это произойдет, мы хотим знать, куда она направится.

На этот раз на третий этаж они поднялись на лифте. Дрейк первым подошел к двери в квартиру триста двадцать восемь и легонько постучал. Ответа не последовало. Тогда он постучал громче.

– Минуточку, Пол, – прошептал Мейсон. – У меня идея. – Он повернулся к Делле Стрит. – Скажи: «Откройте дверь, Джейнис, это я».

Делла Стрит кивнула, наклонилась к двери.

– Откройте дверь, Джейнис. Это я.

Вновь никакой реакции не последовало. Мейсон опустился на колени, достал из кармана длинный конверт, подsunул под дверь, подвигал взад-вперед.

– Свет в квартире не горит, Пол.

– Черт! – вырвалось у детектива.

Какое-то время они молча стояли у двери.

– Я спущусь вниз. Надо убедиться, что черный ход под наблюдением и давно, с тех пор, как мы уехали.

– Мы подождем здесь, – ответил Мейсон, и Дрейк сбежал по ступеням, вместо того, чтобы вернуться к лифту.

– А если она не выходила из дома? – предположила Делла.

– Это ты о чем?

– Может, она... Ты понимаешь.

– Покончила с собой?

– Да.

– Не похожа она на самоубийцу, Делла. По мне, она из тех, кто борется до конца. Но, разумеется, есть шанс, что ей хватило ума перебраться в квартиру какой-нибудь подруги в этом же доме. Это мы как раз можем предположить. Или просто затаилась у себя.

Они молча постояли в тревожном ожидании. И в этот момент по лестнице вернулся Джейк, тяжело дыша.

– Черный ход под контролем. Уйти она не могла. Должна быть в квартире. И знаешь, Перри, есть шанс... – Он не договорил.

– Да, – кивнул Мейсон. – Делла уже высказала такое предположение. Но я практически уверен, что она не из таких.

Дрейк улыбнулся.

– Я знаю, как мы можем это выяснить.

– Как адвокат, должен заявить, что этот способ совершенно незаконный, – указал Мейсон.

Но Дрейк уже достал из кармана кожаный чехол и вытащил несколько отмычек.

– Что возьмет верх, совесть или любопытство? – спросил он.

– Любопытство, – ответил Мейсон, а когда Дрейк вставил одну из отмычек в замочную скважину, повернулся к Делле: – Ты в это не ввязывайся, Делла. Останься в коридоре и не заходи. Тогда, если поднимется шум, за тобой вины не будет.

Щелкнул замок, и Дрейк, взявшись за ручку, посмотрел на Деллу.

– Если кого-нибудь увидишь, Делла, постучи в дверь. Мы запремся изнутри. Твой стук будет сигналом не шуметь.

– А если придет девушка?

– Быть такого не может. Она не уходила. Но если появится... Ей двадцать один или двадцать два года, волосы темно-рыжие, горящие глаза, кожа белоснежная. В разговоре не теряется. Постарайся найти способ увести ее и дать нам шанс уйти. Скажи, что внизу один человек ждет в автомобиле, и ему очень хочется повидаться с ней. Имен не упоминай, пусть у нее создастся впечатление, что это епископ, и посмотри, как она отреагирует.

– Хорошо, – кивнула Делла. – Я что-нибудь придумаю.

– Она вспыхивает, как спичка, – предупредил Мейсон. – Не спорь с ней, потому что меня не удивит, если она вцепится тебе в волосы.

– Свет включаем? – спросил Дрейк.

– Конечно, – ответил Мейсон.

– Отлично, пошли.

– Только сначала закроем дверь.

Дверь они закрыли, Дрейк нащупал на стене выключатель. Комнату залил яркий свет. В комнате ничего не изменилось. Ворох одежды на кровати, наполовину заполненный чемодан на полу.

– Если она что-то сделала, Пол, – прошептал Мейсон, – то сразу после нашего разговора. Ты загляни в ванную, а я – на кухню.

– Не забудь про стенной шкаф у кровати, – добавил Дрейк. – Господи, Перри, я боюсь заглядывать. Если мы найдем ее мертвой, то окажемся в чертовски сложном положении.

– Это ты говоришь *мне*? – спросил адвокат.

Они разделились, торопливо обыскали квартиру, вновь встретились у кровати, нервно улыбаясь.

– Что ж, Перри, она нас перехитрила, – признал Дрейк. – Если только в доме у нее нет подруги, у которой она и спряталась.

Мейсон покачал головой.

– Если бы она ушла к подруге, то сначала запаковала бы вещи, чтобы в случае необходимости сразу забрать их и уехать, убедившись, что горизонт чист. Нет, Пол. Она улизнула через черный ход за те пять минут после нашего ухода, пока твой второй человек не взял под контроль черный ход.

Дрейк вздохнул.

– Пожалуй, ты прав, Перри. И теперь я злюсь из-за того, что она так легко меня провела. Я держал под наблюдением пустую клетку, потому что птичка, увы, упорхнула.

– Ладно, поехали к епископу.

Они вышли из квартиры.

– Делла, ты возвращаешься в офис. Зажги свет и не запирай дверь в приемную. – На ее вопросительный взгляд адвокат ответил: – Я хочу, чтобы ты дождалась Джулию Браннер или миссис Оскар Браунли, как бы она теперь себя ни называла.

Дрейк приказал своим сотрудникам по-прежнему держать квартиру под наблюдением и незамедлительно сообщить о возвращении Джейнис Ситон. Потом они отвезли Деллу Стрит на бульвар, посадили в такси и отправили в офис, тогда как сами направились к отелю «Регал».

В отеле Дрейк оглядел вестибюль.

– Что-то не вижу я своих парней.

– И что это означает?

– Вероятно, он куда-то ушел.

– Где-то встречается с этой Ситон? – предположил Мейсон.

– Сейчас найду Джима Паули и спрошу, – ответил Дрейк. – Может, он что-то знает. А вот и он... Эй, Джим!

Детектив отеля, который во фраке выглядел весьма нелепо, повернулся, чуть склонил лысую голову и направился к ним.

– Этот Мэллори – епископ англиканской церкви, – сообщил он, – и сейчас лечит ушибленную голову. Но человек он хороший. Говорит, что ничего не пропало и шума из-за случившегося поднимать не будет. Так что мы можем замять эту историю. Нас это очень даже устраивает. Между прочим, в отеле его сейчас нет, но он оставил письмо мистеру Мейсону.

Адвокат и Дрейк переглянулись.

– Оставил мне письмо? – переспросил Мейсон.

– Да. Оно на стойке. Сейчас принесу.

– Багаж он забрал? – спросил Дрейк.

– Нет. Думаю, пошел пообедать.

Детектив отеля зашел за стойку и достал из ячейки запечатанное письмо. На конверте Мейсон и Дрейк прочитали: «Перри Мейсону, адвокату. Передать мистеру Мейсону, когда он зайдет этим вечером».

Мейсон вскрыл конверт. Достал пятидолларовую купюру, прикрепленную скрепкой к листу бумаги с логотипом отеля, и прочитал короткую записку:

«Уважаемый мистер Мейсон!

Я понял, что за мной следят, а потому, выйдя из Вашего кабинета, попросил уборщика вывести меня через подвал и черный ход. Потом попытался найти моего таксиста и узнал, что Вы с ним расплатились. Поэтому с благодарностью возвращаю долг.

По части совета, который Вы мне дали, прошу рассматривать его, как хлеб, отпущенный по водам⁴, и поверьте мне, все вернется к Вам сторицей.

УИЛЬЯМ МЭЛЛОРИ».

Мейсон вздохнул, вытащил купюру из-под скрепки, сложил и сунул в карман жилетки.

– Епископ не сказал, когда вернется? – спросил он Джима Паули.

Тот покачал головой.

– Отличный парень этот епископ. Не выразил ни малейшего недовольства. А ведь приложили его крепко. Он даже шляпу надеть не может. На голове белый тюрбан.

Мейсон повернулся к Дрейку.

– Пожалуй, тебе пора позвонить в свою контору, Пол.

Тот вошел в телефонную будку, поговорил несколько секунд, открыл дверь и подозвал Мейсона.

– Мои сотрудники отзвонились, – прошептал он. – Они проследили епископа до причала сто пятьдесят семь в порту Лос-Анджелеса. По пути он остановился у ломбарда, купил пару чемоданов и кое-что из одежды. Прибыв на причал, поднялся на борт парохода «Монтерей» и уже не сошел на берег. «Монтерей» отбыл в Австралию с остановками в Гонолулу и Паго-Паго. Мои люди проследовали за пароходом на катере далеко за волнолом, чтобы убедиться, что епископ не покинул пароход. Похоже, твой друг дал деру. Будь осторожен, Перри. Он – самозванец.

Мейсон пожал плечами.

– Пожалуй, мне тоже пора позвонить.

Голос Деллы Стрит в трубке звучал взволнованно.

– Привет, босс. Ты выиграл.

– Выиграл что?

– Джулия Браннер в офисе, ждет тебя. Говорит, что ей нужно немедленно с тобой поговорить.

⁴ Отсылка к библейской цитате «Отпускай хлеб свой по водам, потому что по прошествии многих дней ты опять найдешь его» – Екклесиаст, 11:1.

Глава 5

Джулия Браннер смотрела на Перри Мейсона карими глазами, гармонизировавшими с цветом ее волос. С первого взгляда могло показаться, что ей под тридцать, но чуть обвисший подбородок и зарождающиеся морщины, при улыбке тянущиеся от носа к уголкам губ, говорили о том, что она существенно старше.

– Обычно я в это время клиентов не принимаю, – заметил адвокат.

– Я только что приехала, – ответила она. – Увидела свет в вашем офисе, вот и вошла. А ваша секретарша сказала, что вы, возможно, примите меня.

– Живете в городе?

– Я остановилась у подружки в доме двести четырнадцать по Западной Бичвуд-стрит. Буду платить половину арендной платы.

– Вы замужем или одиноки? – как бы между прочим спросил Мейсон.

– Я – мисс Браннер.

– Работаете?

– Сейчас нет, но до последнего времени работала. У меня есть небольшие сбережения.

– Работали в этом городе?

– Нет.

– Где?

– Это имеет значение?

– Да, – кивнул Мейсон.

– В Солт-Лейк-Сити.

– И вы говорите, что будете снимать квартиру на пару с другой женщиной здесь?

– Да.

– Вы знаете эту женщину?

– Да, я знаю ее по Солт-Лейк-Сити. Уже много лет. Мы вместе снимали квартиру там.

– Телефон?

– Да. Гладстоун восемь-семь-один-девять.

– Чем вы занимаетесь?

– Я – медсестра... Но, может, мне сначала рассказать, почему я к вам пришла, мистер Мейсон, прежде чем углубляться в эти мелочи?

Мейсон медленно покачал головой.

– Это полезно, представлять себе общую картину. Почему вы обратились ко мне?

– Я слышала, что вы – очень хороший адвокат.

– И приехали из Солт-Лейк-Сити, чтобы обратиться ко мне?

– Не совсем.

– Вы приехали на поезде?

– Нет, на самолете.

– Когда?

– Недавно.

– А точнее? В какое время вы сюда прибыли?

– В десять утра, раз вам так необходимо это знать.

– Кто порекомендовал меня вам?

– Человек, которого я знала в Австралии. – Брови Мейсона в недоумении поднялись. – Епископ Мэллори. Когда я его знала, епископом он не был, а теперь стал.

– И он предложил вам приехать сюда?

– Да.

– То есть вы виделись с епископом после вашего прибытия?

Она замялась.

– Не понимаю, какое это имеет значение, мистер Мейсон.

Адвокат улыбнулся.

– Скорее всего, вы правы, учитывая, что едва ли я смогу заняться вашим делом. Видите ли, я очень занят, веду множество важных процессов и...

– Ох, но вы *должны*! Я... Вы просто должны этим заняться, обязательно.

– Так когда вы виделись с епископом Мэллори?

Она вздохнула.

– Несколько часов тому назад.

– Но вы здесь с утра?

– Да.

– Почему вы не пришли ко мне в часы работы офиса?

Она поерзала на стуле. В карих глазах на мгновение вспыхнуло негодование. Потом она глубоко вдохнула.

– Епископ Мэллори посоветовал мне обратиться к вам. Я не смогла увидаться с епископом раньше. Он получил травму и находился в больнице.

– Значит, он предложил вам обратиться ко мне?

– Да, разумеется.

– Дал вам соответствующее письмо?

– Нет.

– Тогда вы абсолютно ничем не можете доказать, что знакомы с епископом Мэллори, встречались с ним и именно он предложил вам обратиться ко мне, – в голосе Мейсона ясно слышались обвинительные нотки. – В сложившихся обстоятельствах ваши проблемы определенно не могут меня заинтересовать.

Она, похоже, обсудила сама с собой возникшую проблему и раскрыла черную сумку, которая стояла у нее на коленях.

– Думаю, это может послужить ответом на ваш вопрос.

Мисс Браннер начала рыться в сумочке. Глаза Мейсона блеснули интересом, когда свет отразился от автоматического пистолета вороненой стали, лежащего в сумке. Словно почувствовав пристальное внимание адвоката, женщина чуть развернулась, плечом прикрыв содержимое сумки от глаз Мейсона. Потом она достала желтый конверт, вытащила из него телеграмму «Вестерн Юнион», закрыла сумку и протянула телеграмму Мейсону.

Письмо отправили из Сан-Франциско в Монастырскую больницу Солт-Лейк-Сити, штат Юта, адресатом значилась Джулия Браннер: «ВСТРЕЧАЕМСЯ ЧЕТВЕРТОГО ДНЕМ ЛОС-АНДЖЕЛЕС ОТЕЛЬ РЕГАЛ. ЗАХВАТИТЕ ВСЕ ДОКУМЕНТЫ – УИЛЬЯМ МЭЛЛОРИ».

Мейсон задумчиво смотрел на телеграмму.

– Но днем вы с епископом Мэллори не встретились?

– Нет. Я же сказала вам, он получил травму.

– Но вы увиделись с ним вечером, несколько часов тому назад?

– Да.

– Он что-нибудь сказал насчет своих планов на будущее?

– Нет.

– А что он сказал?

– Предложил мне приехать к вам и рассказать всю историю.

Мейсон откинулся на спинку вращающегося стула.

– Так рассказывайте.

– Вы знаете Ренволда Браунли?

– Слышал о нем, – бесстрастно ответил Мейсон.

– Вы знаете Оскара Браунли?

– Слышал о нем.

– Я – миссис Оскар Браунли, – объявила она.

Пока она выдерживала театральную паузу, Мейсон взял сигарету из сигаретницы, что стояла у него на столе.

– И вы, как я понимаю, лицо, скрывающееся от правосудия. Ордер на ваш арест давным-давно выписан в округе Орандж.

У Джулии Браннер отпала челюсть, словно она пропустила неожиданный удар в солнечное сплетение.

– Как... Как вы узнали? Епископ вам этого не говорил!

Мейсон пожал плечами.

– Я упомянул это лишь для того, чтобы вы поняли, что не стоит играть со мной в кошки-мышки. Расскажите мне вашу историю, причем всю, без утайки.

Она глубоко вдохнула и начала. Слова полились потоком, словно она так много размышляла над случившимся, что заучила текст.

– Двадцать два года тому назад я была такой сумасбродной... Настоящей оторвой. Ренволд Браунли занимался недвижимостью, и особо больших денег у него не было. Оскар был его любимчиком, но далеко не паинькой. Я работала медсестрой. Встретила Оскара на какой-то вечеринке. Он влюбился в меня, и мы поженились. Это был очень быстрый брак. Такое случается.

Его отец был в ярости, потому что мы с ним не посоветовались, но думаю, все пришло бы в норму, если бы не автомобильная авария. Это было ужасно. Мы немного выпили, но пьяной я не была. Старик, у которого реакция была настолько замедленной, что ему вообще не стоило садиться за руль, выехал из-за угла не по своей полосе движения. Я пыталась избежать столкновения, резко взяв влево. Если он бы остался на моей полосе, все обошлось бы, но он запаниковал и взял вправо. В результате, когда автомобили столкнулись, я оказалась на встречной полосе. Я не была пьяна, но выпила. А вот Оскар крепко набрался, поэтому я и села за руль.

Вы знаете, какие порядки в округе Орандж. Тебя сажают в тюрьму, если ты разогнался до тридцати миль в час⁵. Оскар связался с отцом, и нас отпустили. Мы все равно отправлялись в свадебное путешествие. Уехали в Австралию.

Именно там меня и обманули. Оскар попросил отца закрыть дело по примирению сторон и договориться о денежном вознаграждении, но, как теперь стало понятным, старик все сделал наоборот. Примерно в то время он сумел заработать большие деньги. И Оскар был его любимчиком. Он думал, что Оскар угодил в лапы беспутной девицы, которая могла отдаться, как его сыну, так и любому, со свадьбой или без. Мы находились в чужой стране. Я с трудом нашла работу. У Оскара дела вообще не складывались. Старик, вероятно, пустил в ход свои связи, но не для того, чтобы обо всем договориться по-тихому. В округе Орандж выдали ордер на мой арест, чтобы я не смогла вернуться в Калифорнию. Потом он тайком связался с сыном.

Тогда я ничего этого не знала. Однажды пришла домой, а Оскар исчез. Отец перевел ему деньги на обратный билет. Несколько месяцев я время от времени работала, а потом, когда узнала, что беременна, уже не могла. Оскар не узнал, что у него родилась дочь, и я поклялась, что никогда не узнает. Я ненавидела его, ненавидела его семью, ненавидела их образ жизни. Тогда я знать не знала, как много денег у Ренволда Браунли. Впрочем, если бы и знала, значения это не имело. Я решила, что всего буду добиваться сама. Но я не могла обеспечить ребенка всем необходимым и не собиралась отдавать малышку ему.

Епископ Мэллори, тогда приходской священник англиканской церкви, один из самых человеческих представителей церкви. Никакого самодовольства, никакого лицемерия, свойственных так многим пастырям. Он хотел помогать людям, и он помог мне. Я ему доверилась,

⁵ Около 48 км/ч

и однажды он пришел ко мне, чтобы сказать, что есть шанс найти Джейнис хороший дом. Люди эти не были богачами, но жили в достатке и могли дать ей образование. Они настаивали только на одном: я не должна знать, кому он отдал мою дочь, и не предпринимать попыток ее разыскать. Епископу Мэллори пришлось поклясться всем святым, что он никогда не скажет мне, где и с кем моя дочь.

– Он сдержал обещание? – спросил Мейсон.

– Абсолютно, – ответила Джулия Браннер, и ее глаза заблестели от слез. – В молодости мы так импульсивны. Совершаем поступки, не раздумывая, а потом сожалеем об этом. Я импульсивно вышла замуж и импульсивно отказалась от всех прав на свою дочь. Потом сожалела и о первом, и о втором... – Ее губы задрожали. Она несколько раз моргнула. – Но это не имеет ни мале-е-ейшего значения... Я про сожаления. – Она вскинула голову и продолжила. – Не волнуйтесь, мистер Мейсон, я не разрыдаюсь. Я боролась за свое место под солнцем. Нарушила едва ли не все чертовы запреты и заплатила за это. Не жаловалась и жаловаться не собираюсь.

– Продолжайте, – кивнул адвокат.

– Через несколько лет я вернулась в Штаты. Выяснила, что Ренволд Браунли купается в деньгах, а вот Оскар живет только тем, что подкидывал ему отец. Естественно, я подумала, что Оскар должен как-то мне помочь. Связалась с ним. И получила в ответ очень короткое письмо. Для него я – преступница, укрывающаяся от правосудия. Его отец очень на меня зол. Если я вернусь в Калифорнию, меня будут судить за непредумышленное убийство... Я понимала, что это несправедливо, но что я могла сделать? Я – простая медсестра. Оскар каким-то образом получил развод. У Ренволда Браунли миллионы. На мой арест по обвинению в непредумышленном убийстве выписан ордер. Да и не видела я смысла в возвращении в Калифорнию. Не хотела, чтобы Оскар вернулся ко мне. Конечно, я не отказалась бы, чтобы он выплатил бы мне компенсацию, но меня связали по рукам и ногам. Меня обвинили не только за вождение в состоянии алкогольного опьянения, но и в непредумышленном убийстве, а с такими деньгами и политическими связями, как у Ренволда Браунли, это означало, что меня ждала прямая дорога в тюрьму, лишение гражданства, статуса медсестры и возможности зарабатывать на жизнь... Так, во всяком случае, я тогда считала. И я слишком боялась, чтобы обратиться к адвокату, потому что не решилась бы все ему рассказать.

– Продолжайте, – в голосе Мейсона послышались нотки интереса.

– У меня оставалось только одно желание: моя дочь должна получить положенное. И поэтому я написала в Австралию. Священник Уильям Мэллори к тому времени стал епископом, но никакой помощи оказать не смог и напомнил мне о моем и о своем обещаниях. Моя дочь попала к людям, которые хорошо о ней заботились. Она думала, что они – ее настоящие родители. И они так к ней привязались, что скорее бы умерли, чем позволили бы ей узнать правду. Больших денег у них не было, но на жизнь вполне хватало. Я узнала, что у моей дочери проявилось призвание к сестринской работе, и ничего другого делать она не хотела. Работала в больнице, училась. Хотела стать детской медсестрой и шла к этому. Мистер Мейсон, я перевернула небо и землю, чтобы найти ее. Да, я дала обещание не искать ее, но какие могут быть обещания, если мать хочет найти дочь? Все заработанные деньги я тратила на детективов. Они не смогли ее отыскать. Епископ Мэллори оказался слишком умен. Наилучшим образом замел следы и ничего не говорил. А потом я получила эту телеграмму. Подумала, что он намерен мне все рассказать. Моя дочь уже совершеннолетняя. Нет причин, по которым она не может знать, кто ее настоящие родители и я думаю, что люди, которые удочерили ее, умерли. Но епископ мне ничего не сообщил. Только сказал, что я должна встретиться с вами. Я, правда, выяснила, что после смерти Оскара, Ренволд как-то узнал, что у него есть внучка, и нанял детективов, чтобы найти ее. После чего взял девушку по имени Джейнис в свой дом... Но... Епископ Мэллори сказал мне, что она – не настоящая Джейнис. Она самозванка. – Джулия Браннер замолчала, не отрывая взгляда горящих, яростных глазот Мейсона.

– И чего вы от меня хотите? – спросил адвокат.

– Для себя – ничего, но я хочу, чтобы вы сорвали маску с этой псевдо-внучки. Я хочу найти свою дочь и добиться, чтобы ее признали Браунли.

– Это, возможно, ни к чему не приведет, – указал Мейсон. – В завещании Ренволд вполне может лишиться ее наследства. Насколько я понимаю, у него есть еще и внук.

– Да, некий Филип Браунли. Но почему-то я думаю, что Ренволд не лишит Джейнис наследства. Я думаю, что-то он для нее да сделает.

– И это все?

– Это все.

– Ничего для вас?

– Ни единого чертова цента. Извините, что иногда ругаюсь. От этого улучшается настроение. По жизни мне доставалось, и я обнаружила, что должна или рыдать, или ругаться. Лично я предпочитаю ругаться.

Во взгляде Мейсона читалось одобрение, и неожиданно он спросил:

– Джулия, почему вы носите с собой оружие? – Она схватила сумку, прижала ее к груди. Мейсон пристально смотрел ей в глаза. – Я жду ответа.

– Я прихожу в больницу и ухожу в любое время дня и ночи. Некоторые медсестры подверглись нападению. В полиции мне сказали, что будет неплохо, если я буду носить с собой оружие.

– И у вас есть разрешение?

– Да, разумеется.

– А почему вы и сейчас с пистолетом?

– Не знаю. После покупки я всегда ношу его с собой. Он стал насущной необходимостью, как помада. Клянусь, это единственная причина, мистер Мейсон.

– Если у вас есть разрешение на ношение этого пистолета, это означает, что серийный номер зарегистрирован в полиции. Вы это знаете?

– Да, разумеется.

– Вы знали, что епископ Мэллори внезапно и весьма неожиданно отплыл на пароходе «Монтерей», оставив все вещи в своем номере отеля «Регал»?

Ее губы сжались в тонкую линию.

– Я бы предпочла не обсуждать поступки епископа Мэллори. В конце концов, дело это касается только меня и моей дочери.

– И когда мне, по-вашему, начинать? – спросил Мейсон.

Джулия Браннер встала.

– Прямо сейчас. Я хочу, чтобы вы наносили этому холоднокровному дьяволу удар за ударом, пока он не запросит пощады. Я хочу, чтобы вы доказали, что именно его стараниями появился ордер на мой арест по обвинению в непредумышленном убийстве, благодаря которому я не могла въехать в этот штат, что он разрушил мою семью и ущемил интересы моей дочери. Мне не нужно ни цента, я просто хочу, чтобы его наказали. Я хочу, чтобы вы заставили этого старого дьявола осознать, что даже большие деньги не позволят ему делать все, что заблагора-а-ассудится. – На этот раз обошлось без слез, но губы мисс Браннер задрожали, горящие глаза впились в адвоката.

Перри Мейсон несколько секунд смотрел на нее, потом снял трубку аппарата внутренней связи и сказал Делле Стрит:

– Соедини меня с Ренволдом К. Браунли.

Глава 6

Полуночный дождь, поливший с внезапно прохудившегося неба и сопровождаемый порывами южного ветра, обрушился на Беверли-Хиллз, где посреди ухоженного парка высился особняк Ренволда К. Браунли. Свет от фар автомобиля Мейсона отражался от мокрых зеленых листьев. Плавной изгибающаяся подъездная дорожка вывела к особняку. Адвокат остановил автомобиль под навесом у парадной двери. Дворецкий, весьма мрачный, под стать погоде, открыл дверь.

– Мистер Мейсон? – уточнил он.

Адвокат кивнул.

– Прошу. Мистер Браунли вас ждет.

Дворецкий не предложил Мейсону снять плащ и шляпу и из холла сразу провел коридором в огромную, обшитую темным деревом библиотеку. Приглушенного света вполне хватало, чтобы разглядеть полки с книгами, удобные кресла, просторные ниши с диванчиками под окнами.

Мужчина, сидевший за большим письменным столом из красного дерева, суровостью лица мог вполне поспорить с Великим инквизитором. Волосы поседели, а брови и ресницы стали невидимыми, отчего голова его обрела некое сходство с головой стервятника.

– Так вы – Перри Мейсон, – в голосе не слышалось и намека на доброжелательность. Его обладатель холодным, немигающим взглядом словно с интересом впервые изучал необычный экземпляр.

Мейсон стряхнул капли дождя с плаща, скинул его с плеч и без приглашения бросил на спинку стула, затем расправил плечи. Приглушенный свет чуть смягчал его каменный профиль.

– Да, я – Мейсон, а вы – Браунли, – в голосе адвоката, не отрывавшего взгляда от хозяина дома, симпатии было ничуть не больше, чем в голосе старика.

– Присядьте, – предложил Браунли. – В каком-то смысле я даже рад, что вы пришли, мистер Мейсон.

– Благодарю. Присесть я успею. Но сейчас предпочитаю постоять. И почему вас радует мой приход?

– Вы сказали, что хотите поговорить со мной о Джейнис.

– Да.

– Мистер Мейсон, вы – очень умный адвокат.

– Благодарю.

– Благодарить меня не нужно. Это не комплимент, а признание факта. Учитывая обстоятельства, возможно, вынужденное. Я следил за вашими подвигами по газетным статьям. С изумлением и любопытством. Признаю, вы так заинтересовали меня, что мне захотелось с вами встретиться. Собственно, однажды даже собрался было обратиться к вам, но пришел к выводу, что важные финансовые проблемы все-таки не стоит решать через адвоката, главная сила которого в остроте ума, а не...

– Ответственности? – саркастически спросил Мейсон, воспользовавшись паузой.

– Нет, я имел в виду другое. Во главу угла вы ставите зрелищность и драматизм, но, став старше, вы поймете, мистер Мейсон, что люди, у которых много денег, предпочитают бороться за свои интересы по-тихому, без зрелищности и драматизма.

– Другими словами, именно поэтому вы ко мне и не обратились.

– Совершенно верно.

– И поскольку вы в моих услугах не нуждаетесь, я в полном праве предложить их тем, кто противостоит вам.

Тень улыбки изогнула губы мужчины, сидящего за столом из красного дерева, в окружении свидетельств своего богатства. Аура финансового могущества, казалось, превращала библиотеку в неприступную крепость.

– Хорошо сказано, – признал Браунли. – Ваше умение обращать мои слова против меня вполне сочетается с тем, что я слышал о других ваших талантах.

– По телефону я объяснил, что привело меня сюда, – перешел к делу Мейсон. – Речь о вашей внучке. Что бы вы обо мне не думали, мистер Браунли, я не просто наемный гладиатор, который сражается за тех, у кого есть средства, чтобы нанять меня. Я – боец, это да, и мне нравится ощущение, что я сражаюсь за тех, кто не может постоять за себя, но я не предлагаю свои услуги всем, без разбора. Я всегда сражаюсь на стороне справедливости.

– Вы предлагаете мне поверить, мистер Мейсон, что стремитесь лишь устранить несправедливость? – в голосе Браунли слышался скепсис.

– Я ничего вам не предлагаю. Я просто говорю. А верить вы можете, во что хотите.

Браунли нахмурился.

– Мистер Мейсон, я полагаю, для грубости никаких оснований нет.

– Позвольте мне судить об этом самому, мистер Браунли. – Адвокат сел и закурил, не упустив из виду, что суперуверенности у финансиста заметно поубавилось. – Если у человека есть нечто такое, что нужно и другим людям, он испытывает давление с их стороны. У вас есть деньги. Они нужны многим. Вот они и придумывают разные планы, чтобы вы расстались с деньгами. У меня есть определенные бойцовские способности, и люди пытаются заручиться моим доверием, чтобы привлечь меня на свою сторону.

А теперь я готов выложить карты на стол. Цепочка событий, которая привела к моей заинтересованности в этом деле, очень сложна. Не стану утверждать, что все не было спланировано заранее с целью заручиться моей поддержкой. Если и было, будьте уверены, у меня нет и не будет ни малейшего желания способствовать несправедливости или мошенничеству. С другой стороны, велика вероятность того, что в силу сложившихся обстоятельств, девушка, которую вы считаете дочерью вашего сына Оскара и Джулии Браннер, на самом деле вам не родственница.

– У вас есть основания для подобного заявления? – спросил Браунли.

– Естественно, – Мейсон сделал паузу, чтобы всмотреться в дымящийся кончик сигареты, потом вновь встретился взглядом со стариком. – Я говорю от лица единственного живого родителя девушки, Джулии Браннер.

Лицо Браунли осталось бесстрастным. Разве улыбка, точнее, ее тень, стала совсем ледяной.

– И позвольте спросить, кто идентифицировал Джулию Браннер?

Лицо Мейсона превратилось в непроницаемую маску.

– Никто, – ответил он. – Поэтому я и пришел к вам. Если с моей стороны допущено мошенничество, именно вы можете вывести меня на чистую воду.

– Допустим, мне удастся убедить вас, что такое мошенничество имеет место быть? – спросил Браунли.

Мейсон вскинул руки.

– Это дело тут же перестанет меня интересовать. Но поймите, мистер Браунли, меня нужно убедить.

– Джулия Браннер – аферистка, – отчеканил Браунли. – Мои детективы много чего узнали о ее прошлой жизни, до встречи с моим сыном. Это весьма занимательная история.

Мейсон поднес сигарету ко рту, глубоко затянулся, улыбнулся и заговорил, выдыхая табачный дым, который окутывал слова синеватой аурой:

– Можно не сомневаться, что есть множество женщин, прошлое которых, при рассмотрении под микроскопом, окажется не менее колоритным.

– Эта женщина – аферистка.

– Вы говорите о Джулии Браннер, которая вышла за вашего сына?

– Да, разумеется.

– Тогда тот факт, что она – аферистка, – указал Мейсон, – никак не связан с правовым статусом ребенка, которого она родила.

Браунли облизал губы, помолчал, а потом продолжил в холодной, безжалостной манере банкира, анализирующего недочеты в финансовом соглашении:

– К счастью для всех заинтересованных сторон, ребенка, которого она родила, в самом раннем возрасте избавили от ее тлетворного влияния. Я не буду разглашать, как это случилось и где. Эта информация получена мною от людей, которые работают исключительно на меня, и все их действия направлены на защиту моих интересов. Мне известно, и вы без труда найдете тому подтверждение, что Джулия Браннер сама пыталась, пусть безрезультатно и с большими затратами, добыть информацию о местопребывании девочки. Но так вышло, что моя команда достигла успеха там, где она провалилась.

– Джулия пыталась получить выгоду из связи с вашей семьей? Я прошу забыть о предвзятости по отношению к ней и ответить честно.

Лицо Браунли помрачнело.

– Она не пыталась получить выгоду, потому что я предпринял необходимые меры, чтобы таких попыток не было.

– Как я понимаю, – заметил Мейсон, – вы говорите о том, что благодаря вам, она стала лицом, скрывающимся от правосудия.

– Вы можете истолковывать мои слова, как вам того хочется, – ответил Браунли. – Никаких признаний не будет.

– Я лишь считаю справедливым предупредить вас, что буду защищать моего клиента, если дело заинтересует меня, и в прошлом и в настоящем. И если выяснится, что лицом, скрывающимся от правосудия, она стала благодаря вашему влиянию, я приложу все силы, чтобы заставить вас за это заплатить.

– Само собой, – пожал плечами Браунли. – Нет у меня оснований ожидать, что Перри Мейсон будет защищать своего клиента, спустя рукава, но я не думаю, что вас заинтересует Джулия Браннер. Во-первых, у меня есть веские доказательства того, что настоящая Джулия Браннер умерла, а та, что пришла к вам – самозванка.

– Ничего из сказанного вами, – указал Мейсон, – не доказывает, что ваша внучка на самом деле дочь Джулии Браннер, кем бы та ни была. С другой стороны, у меня есть доказательства, которые убеждают меня, что вы стали жертвой или мошенничества, или ошибки.

– Мистер Мейсон, – медленно ответил Браунли, – я не собираюсь разглашать имеющуюся у меня информацию ради того, чтобы опровергать ваши утверждения.

– В таком случае, – решительно заявил адвокат, – вы не можете убедить меня не браться за это дело.

Браунли несколько секунд сидел в глубокой задумчивости.

– Пожалуй, я сделаю еще один шаг вам навстречу, мистер Мейсон, но не более того. – Длинными, тонкими пальцами он достал из кармана бумажник из тюленьей кожи, раскрыл его и вытащил письмо. Мейсон с интересом наблюдал, как старик спокойно и уверенно отрывает от фирменного бланка шапку, а потом, после короткой паузы, и нижнюю часть, с подписью. – Вы поймете, мистер Мейсон, – продолжил Браунли, задумчиво глядя на лишенное начала и конца письмо, – что я провел очень тщательное расследование. И получил неопровержимые факты, на которые мог опираться в своих выводах. Вся информация в высшей степени конфиденциальна, но я нанял лучших детективов, которых можно купить за деньги. Я уверен, что это вы стали жертвой обмана. Я совершенно убежден, что женщина, которая представилась вам, как Джулия Браннер, не выходила замуж за моего сына. Я знаю, что девушка, которая будет

представлена, как ее дочь, не является дочерью моего умершего сына, и у меня есть основания верить, что ваш интерес в этом деле обусловлен, по большей части, уважением к человеку, которого вы полагаете безупречным во всех отношениях, и который вроде бы располагает совершенно точной информацией по этому делу. Вот почему я показываю вам это письмо. Я не скажу, от кого оно получено, но однозначно заявляю, что у источника безупречная репутация.

Браунли протянул письмо, и Мейсон прочитал следующее:

«В результате нашего расследования мы можем заявить со всей определенностью: будет предпринята попытка дискредитировать настоящую Джейнис Браунли и заменить ее самозванкой. Стороны, заинтересованные в этом, уже не один месяц в полной мере осведомлены о ситуации и выжидают наиболее удобного момента, чтобы приступить к активным действиям. Для того, чтобы добиться успеха, они попытаются заинтересовать какого-нибудь известного адвоката, который сможет самостоятельно финансировать свое участие в этом судебном процессе, а чтобы убедить его, они представят вроде бы весомые доказательства.

Вышеуказанные стороны сознательно дожидались, пока епископ Уильям Мэллори, из Сиднея, Австралия, взял отпускной год. Он объявил о своем желании посвятить его путешествиям и исследованиям, и, чтобы исключить любого рода помехи, никому не сообщил о своем предполагаемом маршруте.

Наш детектив вошел в доверие к этим сторонам и таким образом, у нас есть возможность проинформировать Вас, что способный самозванец, выдающий себя за епископа Мэллори, свяжется с адвокатом, который уже тщательно выбран, и убедит его взяться за это дело. Этот липовый епископ появится лишь на короткое время с тем, чтобы произвести должное впечатление на адвоката. После чего исчезнет.

Обо всем этом мы извещаем Вас заранее, чтобы Вы могли предпринять необходимые шаги для ареста этого самозванца, если он пробудет в ваших краях достаточно долго и соответствующие службы успеют выписать ордер на его арест. В любом случае, Вы должны быть готовы к тому, что какой-нибудь агрессивный адвокат, располагающий достаточными финансовыми возможностями, возьмется за это дело на условиях «гонорара успеха». Мы рекомендуем Вам проконсультироваться со своим адвокатом, чтобы лучше подготовиться к такому развитию событий и продумать план ответных действий. В ближайшие дни мы рассчитываем получить дополнительные сведения, которые незамедлительно Вам сообщим.

Искренне Ваш...»

– Несомненно, для вас это письмо имеет немалый вес. – На лице Мейсона, когда он произносил эти слова, не дрогнул ни один мускул.

– А для вас нет? – спросил Браунли, пристально вглядываясь в адвоката. В его голосе слышались нотки удивления.

– Абсолютно.

– Я заплатил деньги, чтобы получить это письмо, – указал Браунли. – Когда вы узнаете меня получше, мистер Мейсон, вы поймете, если я за что-то плачу деньги, то получаю лучшее. Позвольте мне повторить: для меня это письмо имеет немалый вес.

– Письмо, возможно, имело бы, – ответил Мейсон, – если бы я его увидел. Но вы предпочли оторвать все важное, оставив лишь анонимную часть, поэтому я и воспринимаю этот листок как анонимное письмо.

На лице Браунли проступило раздражение.

– Если вы думаете, что я раскрою имена тех, кто добывают мне информацию, то напрасно.

Мейсон пожал плечами.

– Я ничего не думаю. Я просто выложил на стол определенные карты и попросил вас ответить тем же. Пока вы этого не сделали.

– И дальше я не пойду, – твердо заявил Браунли.

Мейсон чуть отодвинул стул, чтобы встать.

– Уже уходите, мистер Мейсон?

– Да. Если вы уже выложили все, что собирались предложить, убедить меня вам не удалось.

– А вам не приходило в голову, мистер Мейсон, что убеждать надо совсем не вас?

Мейсон уже стоял, опираясь на край стола напрягшимися руками.

– Нет, не приходило. В рамках этого обмена мнениями босс – я. Раз вы не убедили меня, что правота на вашей стороне, значит, в следующий раз мы встретимся, как соперники.

– Речь делового человека, – признал Браунли, – но я намерен показать, что шах и мат вам поставлены до того, как мы начали.

– Шах и мат – это полнейшая завершенность. Что ж, шах мне объявляли многократно, а вот до мата дело доходило крайне редко.

– Тем не менее, на этот раз мат вы получите, мистер Мейсон. Дело в том, что я не хочу, чтобы в суде полоскали имя моей внучки. Я не хочу, чтобы внимание газет сосредотачивалось на моих личных делах. Поэтому я намерен удержать вас от участия в схватке на стороне этой липовой внучки.

Мейсон не смог сдержать удивления.

– Вы намерены удержать меня от того, что я собираюсь сделать?

– Именно так, – кивнул Браунли.

– Такие попытки ранее предпринимались, – сухо заметил Мейсон, – но успеха не принесли.

Глаза Браунли блеснули холодным весельем.

– Могу это понять, адвокат. Но раз вы собирали информацию о моей семье, то наверняка узнали кое-что и обо мне, а раз так, вам известно, что в схватке я не знаю жалости, противостоять мне не удастся никому и я всегда добиваюсь желаемого.

– Мы уже рассуждаем об исходе, – сказал Мейсон. – А ваше заявление говорит о том, что вы пытаетесь удержать меня от начала процесса.

– Пытаюсь.

У Мейсона даже не нашлось слов. Он смог ответить лишь улыбкой вежливого изумления.

– Я собираюсь удержать вас от начала процесса, потому что вы – бизнесмен, – продолжил Браунли. – У другой стороны нет денег, чтобы участвовать в процессе. Их единственная надежда – до такой степени заинтересовать адвоката, располагающего достаточными средствами, что тот согласится на вариант с «гонораром успеха». Таким образом, если я сумею доказать вам, что надежды на выигрыш нет, вы, как и любой нормальный бизнесмен, не пожелаете и начинать.

– Даже не знаю, кто сможет убедить меня, что надежды на выигрыш судебного процесса нет. Я предпочитаю отталкиваться от собственных ощущений.

– Это понятно, – кивнул Браунли. – Я не настолько глуп, чтобы думать, будто мне удастся не позволить вам искать доказательства легитимности моей псевдо-внучки. Но в моих силах показать вам, что вы ничего не добьетесь, представив эти доказательства. Даже если она моя внучка, это ничего не решает. Девушка совершеннолетняя и ни при каких обстоятельствах я не обязан поддерживать ее материально. Единственный плюс от установления родства – шанс получить часть моего состояния после того, как я покину этот мир. Поэтому, мистер Мейсон, я пишу завещание, согласно которому большая часть моего состояния перейдет моей внучке, Джейнис Браунли, и я особо укажу, что под ней понимается девушка, которая сейчас живет в моем особняке, как моя внучка. Независимо от того, настоящая она моя внучка или нет,

именно она станет бенефициаром согласно моему завещанию. Теперь я знаю, что вы можете попытаться оспорить мое завещание. Поэтому завтра, в девять утра, я подпишу документы о передаче прав собственности, согласно которым три четверти моего состояния отходит молодой женщине, которая сейчас живет в моем доме, как моя внучка, сохранив за собой ежегодное обеспечение. Оставшаяся четверть на тех же условиях перейдет к другому моему внуку, Филипу Браунли. – Глаза старика светились торжеством. – А это юридический орешек, который вам не расколоть. Я думаю, вы достаточно умны и не будете пытаться пробить головой кирпичную стену. Я хочу, чтобы вы поняли, что в моем лице нашли соперника такого же безжалостного, как и вы сами. Если я что-то решил, никто и ничто меня не остановит. В этом смысле, думаю, я очень похож на вас. Но, так уж вышло, что в этой партии все козырные карты у меня, и я намерен разыграть их со стопроцентной эффективностью. А теперь, мистер Мейсон, позвольте пожелать вам спокойной ночи и сказать, что встреча с вами доставила мне огромное удовольствие. – Длинные пальцы Ренволда Браунли на мгновение сжали мускулистую руку Мейсона, и тот почувствовал, что они холодны, как сталь. – Дворецкий проводит вас до автомобиля, – добавил Браунли.

Дворецкий, несомненно, вызванный каким-то тайным сигналом, бесшумно открыл дверь библиотеки и поклонился Мейсону.

Тот впился взглядом в Браунли.

– Вы ведь не адвокат?

– Нет, но на меня работают лучшие юристы страны.

Мейсон повернулся, кивнул и взял со спинки стула плащ.

– Когда мы закончим это дело, – мрачно изрек он, – ваше мнение об эффективности ваших адвокатов, возможно, изменится. Спокойной ночи, мистер Браунли.

У парадной двери Мейсон задержался на несколько мгновений, пока дворецкий помогал ему надеть плащ. Дождь лил как из ведра, хлестал по и без того залитой водой подъездной дорожке. Ветви деревьев мотались из стороны в сторону, как гротескно вскинутые руки, сдающиеся силам природы. Мейсон захлопнул дверцу автомобиля, завел двигатель, включил фары. Передвинув ручку переключения скоростей на первую передачу, он плавно отпустил сцепление. Автомобиль выкатился из-под навеса под ливень. Мейсон включил вторую передачу, нажал педаль тормоза, следуя изгибу усыпанной гравием подъездной дорожки. Внезапно фары выхватили из темноты человеческую фигуру, четко выделяющуюся на фоне мокрой растительности.

В белом сиянии фар стоял худощавый молодой человек, одетый в дождевик, с низко надвинутой на лоб шляпой, с полей которой стекала вода. Он раскинул руки, и Мейсон одновременно выжал сцепление и нажал на педаль тормоза, останавливая автомобиль. Молодой человек направился к водительской дверце. Мейсон, отметив и его бледные щеки, и горящие решимостью темные глаза, опустил стекло.

– Вы – мистер Мейсон, адвокат? – спросил молодой человек.

– Да.

– Я – Филип Браунли. Это вам что-нибудь говорит?

– Внук Ренволда Браунли?

– Да.

– И вы хотите поговорить со мной?

– Да.

– Тогда вам лучше укрыться от дождя, – предложил Мейсон. – Может, поедem в мой офис?

– Нет. Дедушка не должен знать, что я говорил с вами. Скажите мне, вы с ним встретились?

– Да.

- По какому поводу?
- Я бы предпочел, чтобы вы навели справки у вашего деда.
- Речь шла о Джэн, так?
- Джэн?
- Вы знаете, Джейнис, моя кузина.
- Знаете, я не чувствую себя вправе обсуждать этот вопрос, особенно сейчас, – ответил

Мейсон.

- Я могу стать вам ценным союзником, – предложил Филип.
- Можете, – признал адвокат.
- В конце концов, наши интересы где-то совпадают.
- И как мне вас понимать? Вы чувствуете, что женщина, которая живет в этом доме как Джейнис Браунли, на самом деле не дочь Оскара Браунли?
- Я лишь говорю, что могу стать вам ценным союзником.

Мейсон ответил после долгой паузы:

- Нет у меня уверенности, что сейчас я готов говорить с вами по делу.
- Это правда, что дедушка хочет связать вам руки, переписав все свое состояние на Джейнис и оставив себе что-то на жизнь?
- И это я сейчас не готов с вами обсуждать. Но я бы с удовольствием побеседовал с вами в более удобное время. Допустим, вы придете в мой офис завтра, скажем, в десять утра?

– Нет! Нет! Я не могу. Но разве вы не понимаете, что произошло? Дедушка нанял детективное агентство, чтобы найти Джейнис. Он предложил премию в двадцать пять тысяч долларов, если они ее найдут. Джейнис они найти не смогли, но и двадцать пять тысяч долларов терять не собирались, поэтому все подстроили. Эта девица живет здесь уже два года и совершенно загипнотизировала дедушку. С позиций морали я имею право получить такую же часть состояния дедушки, как и она, даже если она – настоящая внучка. Но она загипнотизировала его до такой степени, что он отдает ей большую часть. Она – бессовестная, коварная аферистка. Не остановится ни перед чем. Она...

От негодования у Филипа Браунли перехватило дыхание. Несколько секунд слышался только шум дождя да завывания ветра. Капли воды барабанили по крыше, в свете фар ветви мотались из стороны в сторону.

Мейсон пристально смотрел на молодого человека.

- И что?
- Я хочу это остановить.
- Как?
- Не знаю. Это по вашей части. Я только хочу, чтобы вы знали, что можете рассчитывать на мою поддержку, только пусть это держится в секрете. Дедушка не должен узнать об этом.
- Вы сможете прийти в мой офис?
- Нет, он прознает.
- Откуда вы знаете, что она – самозванка?
- По тому, как ей удалось целиком и полностью завоевать его доверие.
- Но доказательств нет.
- Есть кое-что другое.
- Послушайте, молодой человек, впервые заговорив о ней, вы назвали ее Джэн. Это ласкательное сокращение. Вы вроде бы пытаетесь мне помочь, но, возможно, хотите что-то выяснить о моих планах. Я предложил вам встретиться в моем офисе. Вы отказываетесь. Только не говорите мне, что ваш дед держит вас под неусыпным наблюдением. Более того, любой, кто сейчас в доме, может увидеть, что я остановил автомобиль, чтобы поговорить с...

– Святой Боже! – прервал его молодой человек. – Я даже не подумал об этом! – Он развернулся и исчез в тених зеленой изгороди.

Мейсон подождал несколько минут, потом выжал сцепление, включил первую передачу и нажал на педаль газа. Доехав до ближайшего отделения «Вестерн Юнион», он подошел к стойке – капли скатывались с дождевика на пол, – и написал радиограмму:

«ЕПИСКОПУ УИЛЬЯМУ МЭЛЛОРИ НА БОРТ ПАРОХОДА МОНТЕРЕЙ СЛЕДУЮЩЕГО В СИДНЕЙ АВСТРАЛИЯ ЧЕРЕЗ ГОНОЛУЛУ: ВАЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СИТУАЦИИ ТРЕБУЮТ ЧТОБЫ ВЫ ОПОЗНАЛИ ЖЕНЩИНУ ИМЕНУЮЩУЮ СЕБЯ ДЖУЛИЯ БРАННЕР КОТОРАЯ ПРИШЛА В МОЙ ОФИС ВСКОРЕ ПОСЛЕ ОТПЛЫТИЯ ВАШЕГО ПАРОХОДА».

Мейсон подписал текст, оплатил доставку, зашел в телефонную будку и, плотно закрыв за собой дверь, набрал номер, который дала ему Джулия Браннер. Ему ответил тонкий, бесстрастный, невыразительный женский голос.

– Это Джулия Браннер? – спросил Мейсон.

– Нет. Это ее подруга Стелла Кенвуд. А вы – мистер Мейсон, адвокат?

– Да.

– Минуточку, мистер Мейсон. Сейчас она возьмет трубку.

После пресных интонаций Стеллы Кенвуд глубокий грудной голос Джулии Браннер, казалось, вырвался из проводов и заполнил телефонную будку, и в ней, возможно, под влиянием тепла тела Мейсона и испаряющейся с плаща и шляпы воды, вдруг стало душно и жарко.

– Что вы выяснили? – спросила она. – Скорее рассказывайте!

– Порадовать мне вас нечем, – ответил Мейсон. – Браунли настроен решительно. Он собирается подписать завещание, в котором прямо укажет, что основная часть его состояния переходит к девушке, которая ныне проживает в его доме, как его внучка. И эта собственность переходит к ней прямо сейчас, а Браунли оставляет за собой только ежегодное обеспечение.

– Он это уже сделал? – спросила Джулия Браннер.

– Нет. Намерен поставить свою подпись утром.

Мейсон услышал, как она шумно втянула воздух.

– Можем мы что-нибудь сделать до утра?

– Если только нам не удастся доказать, что он недееспособен. Мы не можем воспрепятствовать ему распоряжаться своей собственностью, как он пожелает. Но у нас есть средство противодействия, о котором он не подумал. Утром я вам все объясню.

Последовала короткая пауза, когда было слышно только гудение в проводах.

– Так вы думаете, что сможете что-то сделать, мистер Мейсон?

– Мы поговорим об этом утром, – ответил адвокат.

– Звучит не слишком обнадеживающе. Я думаю, его взяла, если только...

– Если только? – переспросил Мейсон, поскольку Джулия Браннер замолчала.

– Если только я не сделаю нечто такое, что собиралась сделать лишь в самом крайнем случае.

– А теперь послушайте меня. Не лезьте в это дело и сидите тихо. Я поговорю с вами утром. Вам не удастся принудить Браунли к чему-либо. Он умный, упрямый и безжалостный. – Ответа не последовало. Мейсон постучал по микрофону и продолжил: – Вы меня слышали?

– Да, я вас слышала, – в ее голосе эмоции отсутствовали напрочь. – Когда и где мы увидимся утром?

– В десять утра, – ответил адвокат. – В моем офисе. – И повесил трубку.

Глава 7

Дождь продолжал настойчиво стучать в окна квартиры Перри Мейсона, когда его разбудили не менее настойчивые телефонные звонки. Он нащупал выключатель настольной лампы, щелкнул им, сел и поднес трубку к уху. Влажный ветер, врывающийся в открытое окно, колыхал тюлевые занавески и холодил голую грудь адвоката. Он схватил халат, прикрылся и только после этого сказал: «Алло?»

– Ситуация переменялась, Перри, – услышал он голос Пола Дрейка. – И, похоже, удача опять на твоей стороне.

Мейсон потер глаза, отгоняя сон, и сипло спросил:

– Что случилось? Который час?

– Ровно три пятнадцать, – ответил Дрейк. – Один из моих людей позвонил из Уилмингтона. Ты хотел, чтобы мы держали под контролем Браунли, и я оставил человека у его особняка. Примерно час тому назад старый Браунли сел в свой двухместный автомобиль и куда-то поехал. Лил дождь. Мой человек последовал за ним и без труда проследовал за Браунли до портового района. Там решил, что старик поедет к своей яхте, и чуть потерял бдительность. Отпустил его довольно далеко и потерял. Но решил, что это не проблема, и поехал к месту стоянки яхты. Ждал там, но Браунли не появлялся. Тогда мой человек решил проехаться по соседним улицам, в надежде найти автомобиль Браунли. Кружил минут десять, пока не увидел мужчину, который бежал, размахивая руками. Этот парень подбежал к нему и сказал, что Браунли убит. Что какая-то женщина в белом дождевике появилась из тени, встала на подножку двухместного автомобиля Браунли, выстрелила шесть или семь раз и убежала.

Этот парень был на грани срыва. Мой сотрудник отвез его к телефонной будке, они позвонили в скорую и в полицию, хотя свидетель настаивал, что Браунли мертв и скорая не нужна. После этого мой человек вернулся, чтобы осмотреть автомобиль и тело. И не нашел его. Приехала полиция и тоже ничего не нашла. Я хочу сам посмотреть, что к чему, и подумал, что ты тоже захочешь подъехать.

– Это был Ренволд К. Браунли? – спросил Мейсон.

– Он самый.

– Тогда поднимется шум.

– А то я не знаю. В течение двух часов каждая газета в городе выйдет с экстренным выпуском.

– Где ты сейчас?

– В моей конторе.

– Приезжай за мной. Я оденусь и к твоему приезду уже буду стоять на тротуаре.

Мейсон положил трубку, выпрыгнул из кровати, правой рукой закрыл окно, одновременно левой расстегивая пуговицы пижамы. Галстук он завязывал в лифте, пуговицы плаща застегивал, пересекая вестибюль своего многоквартирного дома, и вышел на тротуар в тот самый момент, когда автомобиль Дрейка огибал угол. Лучи фар прорезали дождь, подсвечивая залитую водой мостовую. Едва Дрейк затормозил у бордюрного камня, Мейсон распахнул дверцу и плюхнулся на переднее пассажирское сидение.

– Его убила женщина, Пол? – спросил он.

– Да, женщина в белом дождевике.

– Как это произошло?

– Как я понял из телефонного разговора, Браунли кого-то искал. Снизил скорость до минимума и полз вдоль тротуара, когда эта женщина вышла из густой тени. Вероятно, искал он именно ее, потому что остановил свой автомобиль и опустил стекло. Она встала на подножку, подняла автоматический пистолет и разрядила обойму. Потом спрыгнула на тротуар, броси-

лась бежать, свернула за угол, где ее поджидал автомобиль, на котором она и уехала. Свидетель заметил, что это был «шевроле», но номерных знаков не разглядел. Заглянул в салон автомобиля Браунли и увидел, что тот лежит на рулевом колесе. Вероятно, одна из пуль достигла цели. Свидетель в панике бросился бежать без определенной цели. По его словам, бежал четыре или пять минут, пока не увидел фары автомобиля моего сотрудника.

– Он не мог потерять ориентировку? – спросил Мейсон.

– Еще как мог. Ставлю десять против одного, что потерял. – Дрейк вдавил в пол педаль газа. – Нервничаешь, Перри?

– На меня внимания не обращай. Колеса у тебя не лысые?

– Нормальные, – Дрейк ухмыльнулся. – Согласно моей теории, занос – это просто попытка задней части автомобиля догнать переднюю. Если ты обеспечиваешь передней части достаточную скорость, задняя часть ее не догонит, пока ты не попытаешься остановиться.

– Завещание ты написал, Пол? – спросил Мейсон, закуривая.

– Еще нет.

– Тогда утром тебе лучше подъехать ко мне, и я тебе его напишу. Насчет епископа ничего не слышно?

– Как я понимаю, мои австралийские коллеги думают, что я их разыгрываю. На мой запрос они ответили коротко: «Епископы редко заикаются».

– Разумеется, это не ответ, – согласился Мейсон. – А как насчет описания внешности епископа?

– Прислали в другой телеграмме.

Дрейк порывлся во внутреннем кармане, ведя автомобиль одной рукой, и протянул телеграмму Мейсону в тот самый момент, когда адвокат крикнул: «Осторожно, поворот!»

Дрейк выронил телеграмму, схватился за руль второй рукой, пытаясь удержать автомобиль, который потащило юзом. Крутанул руль влево, но ничего не вышло. Из-под колес с правой стороны выплеснулась мощная волна. Но внезапно сцепление передних колес с асфальтом восстановилось, и автомобиль начало разворачивать в противоположном направлении. Дрейк крутанул руль, как штурвал яхты, и прибавил газа. В поворот они вошли боком, но Дрейк сумел развернуть автомобиль до того, как передние колеса выкатились на обочину, и они, не сбавляя скорость, помчались дальше.

– Где телеграмма? – осведомился детектив. – Надеюсь, ты ее не уронил?

Мейсон вздохнул.

– Нет, она где-то на сиденье.

Поворот остался позади, и детектив вновь нажал на педаль газа.

– Сможешь прочитать ее при свете приборной панели?

– Пожалуй, – ответил Мейсон, – если руки не будут сильно трястись. Господи, Пол, а нельзя ли осторожнее?

– Можно, конечно. Машину я вожу нормально. Просто ты отвлек меня этой телеграммой.

Мейсон развернул телеграмму и прочитал: «ЕПИСКОП УИЛЬЯМ МЭЛЛОРИ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ТОЧКА ПЯТЬ ФУТОВ ШЕСТЬ ДЮЙМОВ ТОЧКА ВЕС СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ФУНТОВ ТОЧКА СЕРЫЕ ГЛАЗА ТОЧКА КУРИТ ТРУБКУ ТОЧКА ВЗЯЛ ГОД ОТПУСКА ТОЧКА ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО В АМЕРИКЕ НО ТОЧНОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ УСТАНОВИТЬ НЕВОЗМОЖНО ТОЧКА».

Мейсон сложил телеграмму.

– И что ты об этом думаешь? – спросил Дрейк.

Адвокат закурил.

– Смотри на дорогу, Пол, и сосредоточься на вождении. Не хочу снова тебя отвлекать. Поговорю с тобой, когда доберемся до места. – Он откинулся на спинку сиденья, поднял воротник плаща, уткнувшись подбородком в грудь, и продолжил молча курить.

– Судя по описанию, это он, так? – спросил Дрейк.

Мейсон молчал. Детектив хохотнул и сосредоточился на дороге. Дождь заливал ветровое стекло, барабанил по крыше и капоту, вода скатывалась по стеклу, сверкая в лучах фар. Стеклоочистители монотонно бегали взад-вперед, но поток воды сильно замедлял этот резиновый маятник.

Долгое время впереди лишь блестела мокрая дорога, но, наконец, они увидели задние огни стоящего автомобиля. Фары осветили большой щит с логотипом яхт-клуба и словами: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ! ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН». Мужчина в блестящем резиновом дождевике поспешил к ним.

– Ты знаешь Мейсона, Гарри, – сказал Дрейк.

– Привет, Гарри, – поздоровался адвокат. – Что нового?

Сотрудник агентства Дрейка всунулся в окно. Вода с его шляпы пролилась на колени Дрейка.

– Сними шляпу, бабуин! – заорал Дрейк. – И залезай на заднее сидение, если хочешь что-то сказать. Я душ одетым не принимаю.

Гарри залез на заднее сиденье и заговорил низким, хрипловатым голосом человека, докладывающего о чем-то важном и таинственном:

– Пожалуйста, слушайте внимательно. Это очень странное дело. Я поехал к дому Браунли, как вы мне и сказали. Лило, как из ведра. Я думал, это обычная слежка за домом. Не мог представить себе миллионера, который сядет за руль в такую ночь. Поэтому поднял окна и устроился поудобнее. Примерно в половине второго подъехало такси. В доме зажглись огни, и я услышал голоса. Потом такси уехало, но огней только прибавилось. Пятнадцать минут спустя свет зажегся и в гараже. Потом ворота открылись, и я увидел свет фар. Мне удалось разглядеть, кто сидел за рулем, когда автомобиль проехал мимо. Это был старик Браунли.

– Дождь лил все время?

– Как из ведра.

– И Браунли поехал без шофера? – спросил Мейсон.

– Да, в автомобиле он был один.

– Продолжай, – кивнул Дрейк.

– Я последовал за Браунли, выключив фары. Машин практически не было, поэтому я не решался приближаться. И он находился достаточно далеко от меня, когда мы приехали в этот район. Я решил, что он, естественно, едет на свою яхту, поэтому, когда он резко повернул, словно заметил меня и попытался уйти от слежки, я прямиком поехал в яхт-клуб. Спустя несколько минут, поскольку он не появлялся, я начал кружить по улицам. Искал его десять или пятнадцать минут, ругая себя, и пытался вновь выйти на след автомобиля Браунли. Вернулся сюда, ничего не добившись, и увидел мужчину, который бежал под дождем, размахивая руками. Я остановился, но парень так разнервничался, что едва мог говорить.

– Имя его ты узнал? – спросил Дрейк.

– Да, конечно. Гордон Бикслер.

– И он рассказал тебе об убийстве? – уточнил адвокат.

– Да.

– Что именно он сказал? – детективу не терпелось узнать подробности.

– Минуточку, – остановил его Мейсон. – Убийство, конечно, это главное, но я хочу знать, что этот парень делал здесь в такой час? По мне, тут что-то нечисто.

– Нет, едва ли он врёт. – Гарри покачал головой. – Я проверил его историю. Он – яхтсмен, вернулся после морской прогулки к Каталине⁶. Шторм задержал его, и он позвонил своему

⁶ Санта-Каталина – скалистый остров в Тихом океане близ побережья Калифорнии в 35 км к юго-юго-западу от Лос-Анджелеса. Назван в честь святой Екатерины Александрийской.

слуге-филиппинцу, чтобы тот приехал за ним на автомобиле. Но филиппинцу то ли не захотелось ехать в дождь, то ли он не понял, что от него требуется, но у яхт-клуба он не появился, и Бикслер, злой до безумия, решил пешком добраться до какого-нибудь места, где можно найти такси или позвонить. Я попросил показать водительское удостоверение и кредитные карточки. Сказал он мне и название своей яхты. Копы все проверили.

– Отлично. Именно это я и хотел узнать. Так что насчет самого убийства?

– Так вот, по словам Бикслера он увидел большой двухместный автомобиль, который ехал очень медленно, словно водитель кого-то искал. Потом женщина в белом дождевике махнула рукой, и автомобиль остановился. Женщина встала на подножку, похоже, поговорила с водителем, дала ему какие-то указания. Потом спрыгнула и скрылась в тени одного из складов. Автомобиль медленно покатил дальше. Свернул на боковую улицу. Бикслер подумал, что больше он этого автомобиля не увидит, но он появился на ближайшем перекрестке и вновь покатил вдоль тротуара со скоростью десять-пятнадцать миль в час⁷. Бикслер подумал, что его могут подвезти и вышел на середину дороги. Но тут вновь появилась женщина в белом дождевике. Она выбежала под свет фар и замахала руками, останавливая автомобиль. Бикслер зашагал к нему. Он сказал, что их разделяло ярдов пятьдесят⁸. Женщина в белом опять встала на подножку, а потом Бикслер увидел вспышки и услышал грохот выстрелов автоматического пистолета: «Бах! Бах! Бах!..» Он не может сказать точно, сколько их было. Может, шесть или семь, но, скорее всего пять. Женщина в дождевике спрыгнула с подножки и бросилась бежать по подъездной дороге к одному из складов. Бикслер побежал к автомобилю. Но прежде чем он добрался до него, увидел как с подъездной дорожки выехал седан, по его словам, «шевроле», за рулем которого сидела женщина в белом дождевике, хотя полной уверенности у него нет. Выехав на улицу под рев двигателя, седан набрал скорость и растворился в дожде.

Подбежав к автомобилю, Бикслер увидел, что водитель привалился к левой дверце. Рука, плечо и голова высывались наружу, кровь стекала по борту к подножке. Бикслер говорит, что это был Ренволд Браунли, буквально наспигованный свинцом. В том, что он мертв, сомнений быть не могло.

– Как он узнал, что это Браунли? – спросил Мейсон.

– Я задал ему этот вопрос. Видите ли, этот парень – яхтсмен, как и Браунли. Они встречались раз или два на обедах в яхт-клубе, и Бикслер неоднократно видел Браунли в клубе. Он клянется, что ошибки быть не может. Убили именно Браунли. Дождь лил, как из ведра, но именно в этот момент чуть ослаб, плюс какой-то свет шел от прожекторов яхт-клуба и подсветки приборной панели, поэтому он смог разглядеть его лицо.

– Что случилось потом? – спросил Дрейк.

– Бикслер вновь помчался искать телефонную будку или помощь. И я думаю, увиденное потрясло его. Какое-то время он бежал по бульвару, потом по какой-то улице, где-то сворачивая, пока, наконец, не увидел фары моего автомобиля. Он сказал, что прошло минут пятьдесят после выстрелов. Когда он сел ко мне, едва мог говорить, в таком был состоянии. Попытался показать то место, где стреляли, но не смог его найти. Мы кружили по улицам, и я уже подумал, что Бикслер просто чокнутый. Точно не поверил бы ему, если б не следил за Ренволдом Браунли и не знал, что он где-то здесь.

И когда Бикслер заявил, что ему нужен телефон, чтобы позвонить в полицию, я решил, что это лучше, чем бесцельно кружить по улицам, отвез его к телефонной будке, и мы позвонили копам.

– Что случилось потом? – спросил Мейсон.

– Копы подъехали, выслушали нас и...

⁷ Около 16–24 км/ч.

⁸ Примерно 45 м.

– Ты не сказал им, что следил за Брауни, так? – уточнил Дрейк.

– Нет, конечно. – Гарри скорчил недовольную гримасу, словно подобный вопрос оскорбил его. – Я сказал, что оказался в этом районе, потому что искал одного человека, находившегося на яхте. Сказал, что занят делом о разводе.

– Они спросили, кого именно ты искал?

– Еще нет. Позже спросят. Тогда они были слишком заняты. Я дал им понять, что искал блондинку.

– Полиция нашла автомобиль?

– Нет. Но вот что интересно: копы решили, как и я, что этот Бикслер все перепутал и просто не может найти правильное место. Но потом один из копов, направив фонарь на мостовую, заметил красноватое пятно практически там, где, по словам Бикслера, и стреляли. Копы продолжили поиски и нашли гильзу патрона тридцать второго калибра. При стрельбе из пистолета гильзы отлетают, как вы знаете. После этого копы восприняли слова Бикслера более серьезно. Дождь к тому времени лил не так сильно, и они смогли проследить путь автомобиля по лужицам с красноватой водой. Дождь смывал кровь с подножки на дорогу, и там остались пятна. След вел к одному из причалов, и копы решили, что автомобиль сбросили в воду.

– И где этот причал? – спросил Мейсон.

– Поехали, я вам покажу, – ответил Гарри. – Я просто ждал вас здесь, потому что мы так договорились. Сейчас поезжайте прямо. Я скажу, где поворачивать.

Автомобиль тронулся с места, и они проехали несколько сот ярдов, прежде чем Гарри скомандовал: «Направо».

Повернув, они увидели впереди вереницу припаркованных автомобилей. Несколько прожекторов заливали причал ярким светом. Еще один прожектор светил на воду. У самого края причала стояла машина технической помощи, оснащенная краном с длинной стрелой и лебедкой. Барабан лебедки медленно вращался, накручивая трос, конец которого уходил в воду. Судя по натужному реву двигателя, поднимали что-то тяжелое. Дрейк подъехал максимально близко, остановил автомобиль и повернулся к своему сотруднику.

– Найди место для парковки, Гарри. Пошли, Перри.

Адвокат уже вышел под дождь. Вдвоем мужчины зашагали по лужам к краю причала. Дождь по-прежнему лил. Они присоединились к группе мужчин, которые неотрывно следили на тросом, даже не обратив внимания на них.

Мейсон посмотрел вниз. Трос, натянутый, как струна, уходил в чернильно-черную воду. Прожектор светил на то самое место, где он исчезал из виду. В ярком свете лица мужчин казались мертвенно-белыми. Барабан лебедки медленно вращался. Иногда трос дергался, отчего во все стороны летели брызги.

– Вон он! – раздался мужской голос.

Фотограф протиснулся мимо Мейсона и направил камеру вниз. Вспышка ослепила адвоката, когда из поливаемой дождем воды показалась крыша двухместного автомобиля. Мужчины приблизились к кромке причала. Кто-то крикнул: «Выше не поднимайте, пока мы не зацепим его еще одним тросом! Вес увеличится, когда он выйдет из воды. Нельзя, чтобы трос лопнул».

Мужчины в комбинезонах, с вымазанными машинным маслом лицами зацепили автомобиль еще одним тросом с крюком. Стрела крана качнулась. Последовало несколько фотовспышек. «Поехали!» – крикнул мужчина. Автомобиль продолжили медленно поднимать, пока полностью не вытащили из воды. Открытая правая дверца болталась на петлях. Потoki воды лились сквозь щели в полу. Мужчина, руководивший подъемом автомобиля, крикнул: «Мы сейчас опустим его на причал. Всем отойти!»

Мейсон увидел, как длинная стрела крана двигается в темноте, вместе с надежно закрепленным теперь уже двумя тросами автомобилем. Он проплыл над головой Мейсона и начал

медленно опускаться. Еще до того, как коснулся земли, полицейский в форме лентой огородил пространство, куда крановщик осторожно поставил груз.

Мейсон шагнул к самой ленте и заглянул через плечо копа, едва не касаясь подбородком его прорезиненного плаща. Другие копы уже обследовали салон и один из них крикнул: «Автоматический пистолет тридцать второго калибра. И кровь на сиденьях». Но тела, и Мейсон это видел, не было.

– Убрать всех с причала, – скомандовал кто-то. – И не пускать сюда посторонних.

Стали подъезжать все новые автомобили. К Мейсону направился полицейский. Его залитое дождем лицо весело улыбалось.

– Уходите отсюда, дружище. Завтра вы все прочитаете в газетах, – сурово сказал он.

Мейсон спорить не стал.

– Покажи им свой жетон, Пол, – сказал он, проходя мимо Дрейка, – и постарайся узнать побольше. Я буду ждать в машине.

Адвокат зашагал под проливным дождем до автомобиля Дрейка, стряхнул с плаща воду и залез в душно-влажный салон.

Пять минут спустя появился Дрейк.

– Не подпустили. Теперь они ищут тело. Оно, вероятно, вывалилось из салона. В боковом кармане с твоей стороны, Перри, фляжка с виски.

– Господи, хрен с телом, чего ты сразу не сказал про виски?! – воскликнул Мейсон. Он достал фляжку, открыл крышку и протянул Дрейку. – Старикам везде у нас дорога.

Дрейк сделал пару больших глотков и протянул фляжку Мейсону, который собрался уже поднести ее ко рту, но опустил, потому что к автомобилю, шлепая по лужам, подошел Гарри.

– Выпей, – Мейсон протянул ему флягу, – и расскажи, что узнал нового. Твой жетон помог, Пол?

– Они меня высмеяли, – ответил Дрейк. – Один крутой детектив пожелал знать, чем вызван мой интерес к этому делу, и кого я представляю, и что знаю, и как вообще оказался здесь. Я решил, что лучше уйти. А как ты, Гарри? Выяснил что-нибудь?

Одетый в прорезиненный плащ сотрудник Дрейка вытер губы тыльной стороной ладони.

– Я не пытался пробиться поближе, просто бродил вокруг и слушал. Выяснил, что это автомобиль Браунли, тут сомнений быть не может. В воду он свалился на первой передаче и с вытянутой ручкой подсоса.

– Подсоса? – переспросил Мейсон.

– Совершенно верно, они нашли пистолет и вытащили пару пуль, которые застряли в спинке переднего сиденья. Пришли к выводу, что дверцы были открыты, когда автомобиль падал в воду, и тело вывалилось. Полиция послала за водолазами, так что поиски продолжатся.

– Что-нибудь известно о женщине, помимо того, что она была в белом дождевике?

– Ничего достойного внимания. Но у них есть номер пистолета, и они думают, что смогут сказать больше после того, как найдут тело. Таксист, похоже, передал Браунли записку. И написанное в ней чертовски его разволновало. Наверное, это было что-то очень важное, раз Ренволд К. Браунли приехал сюда в два часа ночи, да еще в такую ночь.

– Я думаю... – начал Дрейк. – Давайте допьем виски.

– Ай-яй-яй, Дрейк, – покачал головой Мейсон. – Ты за рулем. Виски допьем мы с Гарри.

Глава 8

Первые слабые проблески рассвета превратили улицу в серый, залитый дождем каньон, когда Перри Мейсон припарковался около трехэтажного оштукатуренного дома с номером 214 по Западной Вичвуд-стрит. «Сансет армс эпатментс» – гласила табличка у двери. Мейсон поднял воротник плаща и вышел в ливень. На фасаде дома не горело ни единого окна, но адвокат обнаружил, что в одном окне свет пробивался сквозь зазор между занавесками. Он вернулся к подъезду, дернул входную дверь: заперта. Но изношенная замочная скважина легко впустила лезвие перочинного ножа, и мягкие нажатия и покачивания привели к тому, что замок щелкнул, а дверь открылась. Мейсон стряхнул воду с плаща и поднялся по лестнице, оставляя мокрые следы на ступенях.

На третьем этаже он услышал храп, доносящийся из одной квартиры, стук дождя по крыше, вой ветра. Мейсон прошел по коридору и тихонько постучал в дверь, под которой виднелась полоска золотистого света.

– Кто там? – ответил ему женский голос, высокий и испуганный.

– Сообщение от мисс Браннер.

Последовала пауза. Женщина по другую сторону двери видимо обсуждала сама с собой, верить или не верить ему. Наконец, адвокат услышал, как щелкнул замок. Худая женщина в халате и шлепанцах, с бигуди на голове, без косметики, озабоченно смотрела на Мейсона.

– Позвольте войти?

Женщина стояла в дверном проеме, молча разглядывая его. Чувствовалось, что она очень встревожена и просто не знает, что делать. Мейсон ободряюще рассмеялся.

– Вы же понимаете, не могу я огласить это сообщение всему дому, а стены в этом коридоре, боюсь, довольно тонкие.

– Заходите, – бесстрастно ответила хозяйка квартиры.

– Я только хочу узнать, – Мейсон переступил порог, – та ли вы женщина, которой я должен передать сообщение. Вас не затруднит сказать мне, кто вы?

– Если Джулия Браннер передала вам сообщение, то оно для меня. Я – Стелла Кенвуд.

– Понятно, и вы какое-то время знакомы с мисс Браннер?

– Это так.

– Что-то знаете о ее прошлом?

– Я знаю все.

– За какой период?

– После ее возвращения в Штаты.

– Что-то вам известно и о ее жизни в Австралии?

– Не так, чтобы много. Почему вы спрашиваете?

– Потому что пытаюсь помочь мисс Браннер и хочу, чтобы вы помогли мне, но для этого мне нужно выяснить, насколько хорошо вы ее знаете.

– Если она передала вам сообщение для меня, – Стелла Кенвуд попыталась держаться более уверенно, – пожалуйста, передавайте. Никакие вопросы не нужны.

– К сожалению, ситуация не такая простая, – ответил Мейсон. – Видите ли, я боюсь, что Джулия в беде.

Стелла шумно вздохнула и плюхнулась на стул.

– Ох, – сорвалось с ее губ.

Мейсон оглядел квартиру. Одна комната. Вертикальная кровать слева от двери. Поднятая она становилась полноразмерным зеркалом. Именно в таком положении находилась и сейчас. То ли женщина не ложилась, то ли собрала кровать до того, как адвокат постучал в дверь. Из-

за газового обогревателя без вытяжки в комнате было тепло, но душно. Вошедший с улицы Мейсон остро почувствовал тяжелую, спертую атмосферу. Влага покрывала окна и зеркало.

– Обогреватель работал всю ночь? – спросил он.

Женщина не ответила, только с тревогой смотрела на него выцветшими синими глазами. Мейсон решил, что ей под пятьдесят. Жизнь ее определенно не баловала и, чувствовалось, что под напором противника она предпочитала подставлять вторую щеку, а не оказывать сопротивление.

– Когда мисс Браннер ушла отсюда?

– Кто вы такой и почему вас это интересует?

– Я пытаюсь ей помочь.

– Это вы уже говорили.

– Это правда.

– Кто вы?

– Я – Перри Мейсон.

– Адвокат, к которому она ходила?

– Да.

– То есть вчера вечером я разговаривала по телефону с вами?

– Да. Где сейчас Джулия?

– Ушла.

– Она ушла сразу после моего звонка, так?

– Нет, не сразу.

Мейсон пристально смотрел на нее, и Стелла отвела глаза.

– Когда она ушла?

– Где-то в четверть второго.

– Куда она отправилась?

– Я не знаю.

– Уехала на такси?

– Нет, на моем автомобиле. Я дала ей ключ.

– Какой у вас автомобиль?

– «Шевроле».

– Почему она уехала?

– Не думаю, что мне следует говорить с вами об этом. – Но ее голосу недоставало убежденности, и Мейсон просто ждал продолжения. – Вы что-то знаете, так? Что-то случилось? Но вы мне этого не рассказываете. Так расскажите!

– Я поделюсь, как только мне станет ясна ваша роль в этой игре. Ничего не могу рассказать, пока не услышу ответы на мои вопросы. Почему Джулия уехала? Чего она хотела?

– Я не знаю.

– Она взяла с собой свой пистолет?

Женщина ахнула, прижав руку к шее, отчего на коже проступила сетка синих вен.

– Она взяла с собой свой пистолет? – повторил вопрос Мейсон.

– Я не знаю. А что, что случилось? И откуда вам известно, что у нее пистолет?

– Неважно. Отвечайте на мои вопросы. Вы ждали ее?

– Да.

– Почему не легли спать?

– Не знаю. Тревожилась. Думала, что она придет с минуты на минуту.

– Вы знаете, почему они приехали сюда из Солт-Лейк-Сити?

– Конечно.

– Почему?

– Вы и так в курсе. Почему я должна вам это говорить?

- Я хочу знать, сказала ли она вам то же самое, что и мне.
- Раз вы – ее адвокат, то должны знать.
- Я знаю, что должен, – мрачно ответил Мейсон. – Почему она приехала?
- Насчет своей дочери и женитьбы.
- Вы это знаете?
- Да, разумеется.
- И как давно вам все это известно?
- Достаточно давно.
- Джулия Браннер рассказала вам, что была женой Оскара Браунли?
- Да, конечно. – Женщина чуть оживилась. – Видите ли, три года тому назад мы жили

в одной квартире в Солт-Лейк-Сити. Она рассказала мне об Оскаре Браунли, о том, к какому грязному способу прибегнул старик, чтобы оторвать Оскара от нее, о том, что она предприняла, чтобы старик не смог украсть ее дочь. Видите ли, у меня была дочь примерно такого же возраста, что и у Джулии, так что я могла понять ее чувства. Только я знала, где моя дочь. Могла ей написать, иногда увидеться с ней. Джулия даже не знала, жива ли ее дочь... – Лицо Стеллы затуманилось, она отвела глаза. – Моя дочь умерла, уже два года, как умерла. Поэтому я, как никто, понимала, что чувствовала Джулия, не имея возможности ни увидеться, ни получить весточку от своей девочки.

– Значит, Джулия рассказала вам, почему она не могла приехать в Калифорнию? – уточнил адвокат.

– Да.

– Почему?

– Из-за обвинения в непреднамеренном убийстве.

– Хорошо, – кивнул Мейсон. – Тогда перейдем к делу. Я хочу знать, почему Джулия попросила передать Браунли, что хочет встретиться с ним в портовом районе.

Стелла Кенвуд молча покачала головой.

– Вы не знаете?

– Просто не хочу говорить о делах Джулии.

– Вы знаете, – усилил напор Мейсон, – и по этой причине вы сидите, дожидаясь возвращения Джулии. Вы включили газовый обогреватель до полуночи. Вы не разбирали кровать. Так что выкладывайте правду, и побыстрее. Не можем же мы ждать целый день.

Она не решалась встретиться с ним взглядом и нервно сжимала и разжимала пальцы. И тут Мейсон услышал быстрые шаги в коридоре. Он отступил влево от двери, встал так, чтобы вошедший в квартиру сразу не увидел его.

Ручка повернулась, дверь открылась, потом закрылась. В квартиру зашла Джулия Браннер, в белом дождевике чуть ли не до лодыжек, в мокрых туфлях, с торчащими из-под шляпы мокрыми прядями волос.

– Господи, Стелла! – По голосу чувствовалось, что она на грани истерики. – У меня жуткие проблемы. Давай соберем мои вещи, и ты отвезешь меня в аэропорт. Я возвращаюсь в Солт-Лейк-Сити. Случилось, ужасное, я... – Она замолчала, заметив округлившиеся глаза подруги, и резко повернулась. – Вы! – воскликнула она, увидев Мейсона.

Адвокат холодно кивнул.

– Присядьте, Джулия, и расскажите, что произошло. Возможно, я смогу вам помочь, если буду знать все.

– Ничего не произошло.

– Присядьте, Джулия, я хочу с вами поговорить.

– Послушайте, я тороплюсь. Нет у меня времени на разговоры. И теперь вы мне уже не поможет. Слишком поздно.

– Почему слишком поздно?

– Это неважно.

Она бросила сумку на стол и начала расстегивать пуговицы дождевика. Мейсон шагнул к столу, поднял сумку, прикинул ее вес.

– А куда подевался пистолет, который вы носили с собой?

На лице Джулии отразилось удивление.

– А что, его там нет?

– Послушайте, если хотите играть со мной в эти глупые игры, это ваше право, но Ренволд Браунли застрелен этой ночью женщиной в белом дождевике, которая водит «шевроле». Я думаю, полиция располагает описанием автомобиля. А теперь скажите, вы хотите, чтобы я попытался вас спасти, или предпочитаете уйти в несознанку?

Пока Джулия Браннер раздумчиво смотрела на него, Стелла Кенвуд не выдержала.

– Ох, Джулия! Я знала, что ты это сделаешь! – И разрыдалась.

Мейсон поймал вызывающий взгляд Джулии Браннер.

– Рассказывайте.

– Почему я должна что-то вам рассказывать? – ее голос переполняла горечь.

– Я могу вам помочь.

– Вы могли мне помочь, но получилось у вас не очень, а теперь слишком поздно.

– Почему слишком поздно?

– Вы знаете... Но я не пойму, как вы узнали.

В голосе Мейсона послышалось нетерпение:

– Слушайте меня, вы двое. Секунды дороги, а вы лепечете что-то невнятное. Заканчивайте и перейдем к делу. Я собираюсь вам помочь, Джулия.

– Почему? – спросила она. – Денег у меня нет, наскребу разве что сто пятьдесят долларов.

Стелла Кенвуд приподнялась со стула.

– У меня есть двести. Можешь их взять, Джулия.

– Давайте сейчас забудем о деньгах, – отрезал Мейсон. – Я собираюсь вам помочь, Джулия, но я должен знать, что произошло. Я полагаю, многое можно сказать в вашу пользу, несмотря на то, что вы сделали. Браунли был абсолютно безжалостным человеком и начисто лишен угрызений совести. Он состряпал обвинение в непредумышленном убийстве, которое висело над вами многие годы. Он лишил вас семейного счастья и не дал вам даже ломаного гроша. Вам пришлось зарабатывать себе на жизнь. Можно долго говорить о том, каким трудом вам все давалось, но сейчас мне надо знать, что произошло. Я не говорю, что пройду с вами весь путь, но хотя бы начало. А теперь выкладывайте. Вы убили Браунли?

– Нет.

– Кто убил?

– Не знаю.

– Вы виделись с ним этой ночью?

– Да.

– Где?

– В портовом районе, около набережной.

– Расскажите мне, что произошло.

Она тряхнула головой, голос вдруг стал безучастным и усталым.

– Какая разница? Вы мне не поверите. Никто мне не поверит. Прекрати рыдать, Стелла. Мне придется держать ответ. Это мои похороны. Ты не при делах.

– Хватит! – раздраженно бросил Мейсон. – Рассказывайте, что произошло. Если кто-то и может вам помочь, так это я!

– Ладно, если вы так хотите это знать, я попытаюсь надавить на Браунли.

– Как именно?

– Когда Оскар закончил старшую школу, он подарил Оскару часы. Это была семейная реликвия, разве что Ренволд вставил в них новый механизм. Эти часы были ему очень дороги. Они остались у меня. Я взяла их с собой на работу в тот день, когда Оскар сбежал. Старик мечтал их вернуть. Я отправила ему записку. С таксистом. Написала, что хочу встретиться с ним на десять минут, если он приедет один в определенное место на набережной, и эти десять минут будет слушать меня, не прерывая. Тогда я отдам ему часы.

– Вы думали, он приедет?

– Я знала, что он приедет.

– Вы не опасались, что вас арестуют по его наводке?

– Нет. Я сказала ему, что часы спрятаны, и он получит их, если только будет играть честно.

– И что? – спросил Мейсон.

– Он приехал.

– Как он узнал, где именно вы будете его ждать?

– Я нарисовала грубую карту и отметила нужное место. И велела ему приехать одному.

– Что он сделал?

– Приехал в портовый район, чтобы я смогла встретиться с ним.

– О чем вы собирались с ним говорить?

– Я хотела привести единственный аргумент, к которому он мог прислушаться. Собираюсь доказать ему, что моя дочь – вылитый ее отец, и, если Оскар был ему небезразличен, он должен позаботиться о том, чтобы ребенок от плоти и крови Оскара не остался без средств к существованию. Я собиралась сказать ему, что он может ничего не делать для меня, но я хочу, чтобы ребенок Оскара получил положенное. Я собиралась сказать ему, что девушка, которую он принимал за дочь Оскара – самозванка.

– Почему вы заставили его приехать на набережную?

– Потому что я так захотела.

– Но почему все-таки на набережную?

– Это неважно.

– У вас был автоматический пистолет тридцать второго калибра?

– Да.

– Где он?

– Не знаю. Я не могла его найти еще ранним вечером.

– Этот старый трюк не пройдет. Даже не пытайтесь.

– Это правда!

– Если не вы убили Ренволда Браунли, тогда кто?

– Я не знаю.

– Ладно, продолжайте.

– Я встретила с ним у одного из яхт-клубов, – ответила Джулия. – Попросила обогнуть квартал, чтобы убедиться, что слежки за ним нет, потом вернуться ко мне. Он все сделал, вернулся и сбросил скорость. Он находился в полу-квартале от меня, когда какая-то женщина в желтом дождевике выскочила на дорогу перед его автомобилем. Естественно, Браунли остановился. Она запрыгнула на подножку и начала стрелять.

– И что сделали вы?

– Я повернулась и побежала максимально, как могла, быстро.

– Куда побежали?

– К моему автомобилю, припаркованному примерно в квартале от этого места.

– Прыгнули в машину и уехали?

– Не совсем. Лил дождь, и двигатель не сразу завелся.

– Кто-нибудь вас видел?

– Не знаю.

– Где вы взяли автомобиль?

– У Стеллы. Она мне разрешила.

– И это лучшая история, которую вы можете рассказать?

– Это правда.

Мейсон покачал головой.

– Может, это правда, может, и нет. Лично я думаю, что нет. Одно я знаю наверняка: ни один присяжный в это не поверит. Будьте уверены, вам впаяют убийство при отягощающих обстоятельствах. Значит так: разложите кровать, выключите этот чертов обогреватель, откройте окна, уберите куда-нибудь плащ, разденьтесь и ложитесь в постель. Если придет полиция, не говорите ни слова. Не делайте никаких заявлений, о чем бы они не спрашивали. Твердите, как попугай, не будете отвечать ни на один вопрос без разрешения вашего адвоката, только скажите им, что ваш адвокат – это я.

Она пристально смотрела на него.

– То есть вы собираетесь мне помочь?

– Поначалу – да, – кивнул Мейсон. – А теперь раздевайтесь, и в кровать. И вы, Стелла, не говорите ни слова. Просто сидите и молчите. Сможете это сделать?

В глазах Стеллы застыл испуг.

– Не знаю. Я так не думаю.

– Я тоже, – вздохнул Мейсон, – но сделайте все, что сможете. Тяните время, насколько вам это удастся. А вы, Джулия, запомните – никому ни слова. Не отвечайте на вопросы и не делайте заявлений.

– За меня не волнуйтесь, – заверила она его. – Это я как раз умею.

Мейсон кивнул, вышел в коридор и, закрывая дверь, услышал, как скрипнули пружины раскладываемой кровати: Джулия Браннер не теряла времени даром. Оказавшись на улице, Мейсон обратил внимание, что ливень превратился в холодный, морозящий дождь. Света теперь хватало, чтобы разглядеть плывущие с юго-востока тяжелые облака. Занималась заря. Он как раз заводил двигатель, когда из-за поворота выехал патрульный автомобиль и остановился перед «Сансет армс эпатментс».

Глава 9

Делла Стрит уже сидела за своим столом, когда следующим утром Перри Мейсон вошел в офис.

– И что у нас новенького? – спросил он, бросая шляпу на стол и широко улыбаясь при виде толстой стопки утренней почты.

– Полагаю, ты знаешь, что Джулия Браннер арестована по обвинению в убийстве Ренволда Браунли?

Глаза Мейсона округлились в притворном изумлении.

– Нет, я об этом не слышал.

– Газеты напечатали экстренные выпуски, – добавила Делла. – Джулия Браннер говорит, что ты собираешься ее защищать, так что ты должен об этом знать.

– Нет, – покачал головой Мейсон. – Это большой сюрприз для меня.

Серкретарша наставила на него указательный палец, совсем как ведущий перекрестный допрос адвокат.

– Босс, где ты был в это утро на рассвете?

Мейсон широко улыбнулся.

– Ты знаешь, я не умею лгать. Вышел из того дома на Бичвуд-стрит за шестьдесят секунд до появления полиции.

Делла вздохнула.

– Наступит день, когда твое везение закончится.

– Ничего бы не случилось, если бы они застали меня в квартире, – возразил Мейсон. – Я имею полное право беседовать с моим клиентом.

– Газеты также пишут, что Джулия Браннер отказывается что-то говорить, но Стелла Кенвуд, с которой она делила квартиру, поначалу не отвечала на вопросы, но потом рассказала все.

– Да, – кивнул Мейсон, – этого следовало ожидать.

– Могла она сказать что-то, компрометирующее тебя, босс? – в голосе секретарши послышалась нотка тревоги.

– Я так не думаю. Не думаю, что она вообще может кого-то скомпрометировать. Что еще нового?

– Пол Дрейк хочет увидаться, говорит, что у него есть новости. Радиограмма, которую мы отправили Уильяму Мэллори на «Монтерей» не была передана адресату, потому что епископа Уильяма Мэллори на борту парохода «Монтерей» нет. – Делла Стрит сверилась с блокнотом. – Поэтому я взяла на себя смелость отправить радиограмму капитану парохода «Монтерей» с вопросом, отплывал ли епископ Уильям Мэллори на этом пароходе из Сиднея, и уверен ли капитан, что этого человека сейчас на пароходе нет, под этим или иным именем, в первом или втором классе.

– Умница, – похвалил ее Мейсон. – Мне надо об этом подумать. А пока позвони Дрейку. Пусть приходит и приведет с собой Гарри. Что-нибудь еще?

– Да. Вудвард Уоррен хочет с тобой встретиться. Он говорил со мной и сказал, что готов заплатить сто тысяч долларов, если ты сможешь спасти жизнь его сыну. – Мейсон покачал головой. – Это большие деньги, – добавила Делла.

– Я знаю, что это большие деньги, – с горечью ответил адвокат, – но браться за это дело я не собираюсь. Этот парень – избалованный сынишка миллионера. Все ему приносили на блюде с голубой каемкой, ничего не приходилось добывать самому. И впервые столкнувшись с отказом, он схватился за пистолет и начал стрелять. Теперь он говорит, что сожалеет, и думает, что все как-то утрясется.

– Ты мог бы добиться для него пожизненного заключения, – указала Делла. – Это все, о чем просит мистер Уоррен. Ты собираешься защищать эту Браннер, зная, что не получишь ни цента, но отказываешься от такого большого гонорара.

– В деле Браннер есть элемент загадки, намек на поэтическую справедливость, – ответил Мейсон. – Здесь все элементы захватывающей человеческой драмы. Это не значит, что я пройду весь путь до конца. Я просто намерен использовать те таланты, что даровала мне природа, для достижения справедливости. А если я возьмусь за дело Уоррена, то мои таланты и мастерство пойдут на оправдание грязного преступления, совершенного избалованным сыном глупого и во всем потакающего своему отпрыску отца. Не забывай, это не первая пердряга, в которую попадает этот мальчишка. В прошлом году, он, управляя автомобилем, насмерть сбил женщину. Папаша его отмазал, купил его свободу. Теперь он хочет купить адвоката, чтобы тот нашел способ спасти сына от смертной казни. Да пошли они оба к черту! Позвони Дрейку. Пусть подходит.

Пока секретарша звонила, Мейсон вышагивал по офису, заложив большие пальцы в карманы жилетки и наклонив голову в глубокой задумчивости. Наконец, он остановился перед Деллой.

– Что такое, Делла? Может, проще дойти, благо мы в одном коридоре, чем так долго звонить? В чем проблема?

– Это телефонистка коммутатора, – ответила Делла. Она диктовала мне только что полученную радиограмму с «Монтерей». Одну минуточку, и ее прочту. – После чего сказала в трубку: – Соедините с «Детективным агентством Дрейка» и скажите мистеру Дрейку, что босс ждет его у себя. – После чего положила трубку и расшифровала стенографическую запись: «ЕПИСКОП УИЛЬЯМ МЭЛЛОРИ ПЛЫЛ В АМЕРИКУ ИЗ СИДНЕЯ И СИДЕЛ ЗА МОИМ СТОЛОМ. ЕМУ ЛЕТ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ. РОСТ ПЯТЬ ФУТОВ ШЕСТЬ ИЛИ СЕМЬ ДЮЙМОВ, ВЕС СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ИЛИ ВОСЕМЬДЕСЯТ ФУНТОВ. МЫ ПРОВЕРИЛИ ВСЕХ ПАССАЖИРОВ. СЕЙЧАС ТАКОГО НА БОРТУ ТОЧНО НЕТ». И подпись: «КАПИТАН Э. Р. ЙОХАНСОН».

– Капитан молодец, – кивнул Мейсон. – Понял, что дело серьезное.

– Может, епископ где-то спрятался, – предположила Делла.

Мейсон покачал головой.

– Нет. Я верю словам капитана Йохансона. Если он говорит, что этого человека на борту его корабля нет, можно не сомневаться, что так оно и есть.

– Тогда Дрейк ошибся, думая, что епископ поднялся на борт «Монтерей» и уже не сошел на берег.

– Если он был с чемоданами, то мог... – Мейсон замолк на полуслове, задумчиво взглянув на Деллу Стрит. – Отправь еще одну радиограмму капитану Йохансону. Спроси, нет ли на борту или в багажной комнате чемоданов с именем епископа Мэллори на бирках.

– Ты думаешь, он пронес на борт все необходимое для переодевания, – в голове секретарши слышалось сомнение, – а потом он покинул корабль?..

– Он поднялся на борт переодетым, – рассмеялся Мейсон.

– Не поняла.

– Согласно всем донесениям, голова епископа была забинтована. Но я побывал в номере отеля сразу после того, как епископа увезла скорая. На покрывале, лежащем на кровати, отпечатался контур его тела, и никаких следов крови. Ударили его дубинкой. После таких ударов остаются синяки, но кожа не повреждается. Тогда почему епископу так забинтовали голову, что разглядеть лицо не представлялось возможным?

Делла нахмурилась и ответила после паузы:

– Но, босс, люди Дрейка уже знали, как он выглядит. Поэтому скрывать от них лицо смысла не имело.

Мейсон улыбнулся.

– Ты когда-нибудь видела, как отплывает такой большой пароход, Делла?

– Нет. А что?

– На трапе всегда толчея. Большинство уходит, это провожающие, кто-то подъезжает в самую последнюю минуту и спешит на борт. Постоянный поток лиц. А теперь представь себе, что ты – детектив и видел, как на борт поднялся мужчина в черном костюме с большой повязкой на голове. Человеческий мозг достаточно ленив, чтобы играть в свои игры, если нагрузка сильно возрастает. Другими словами, ты не будешь вглядываться в каждое лицо. Подсознательно ты будешь выискивать мужчину в черном костюме и с большой белой повязкой на голове. И если нужный тебе человек сойдет на берег в неприметном сером твидовом костюме и еще в фетровой шляпе с большими полями на лишенной повязки голове, ты его не заметишь. Учти, происходит все быстро, по трапу проходят десятки, если не сотни людей, да еще большинство кричит и машет руками.

Секретарша согласно кивнула.

– Да, я понимаю, что именно так все и было. Но... – Ее прервал условный стук в дверь кабинета Мейсона, которая выходила в коридор.

Делла Стрит открыла дверь. Пол Дрейк переступил порог и кивнул ей.

– Доброе утро, Делла, – он сильно гнусавил, похоже, простудившись. – Заходи, Гарри.

Едва за Гарри Коултером закрылась дверь, Дрейк набросился на Мейсона.

– Вчера я позволил тебе отговорить меня от последнего глотка виски, Перри, и посмотри, к чему это привело.

Мейсон оглядел слезящиеся глаза, красный нос детектива и усмехнулся без особого сочувствия.

– Вчера ты сделал слишком большой первый глоток, Пол. Тем самым ослабил сопротивляемость организма. А ты, Гарри, как себя чувствуешь?

– Отлично, – ответил тот, – а я не один час шлепал по лужам, дожидаясь прибытия шефа.

Дрейк уселся в большое кожаное кресло, закинул ногу на подлокотник и посмотрел на Деллу Стрит, печально качая головой.

– Так происходит всегда, когда из кожи вон лезешь. Пашешь на адвоката, не разгибаясь, и не получаешь даже капли сочувствия. Работаешь день и ночь за жалкий процент, хотя вознаграждение адвоката целиком и полностью зависит от качества материалов, которые он получает от детектива.

Мейсон широко улыбнулся.

– Самое худшее свойство простуды в том, что она настраивает человека на пессимистичный лад. Лучше подумай, как это хорошо, что у тебя много работы, Пол. Но если тебе не достаёт сочувствия, Делла может поддержать тебя за руку, пока ты будешь рассказывать нам, что произошло.

Лицо Дрейка внезапно скривилось, правая рука метнулась в карман брюк. Носовой платок он вытащить успел, но в этот самый момент оглушительно чихнул. Детектив тоскливо вытер нос и заговорил осипшим голосом:

– Эта Ситон исчезла. Всю ночь не показывалась в квартире. Утром я опять проник туда и все осмотрел. После нашего последнего визита там ничего не изменилось.

Мейсон задумчиво нахмурился.

– А не могла она спрятаться в здании, Пол? В квартире у подруги?

– Я так не думаю, – ответил Дрейк. – Зубная щетка и паста стоят в стаканчике у раковины. Она не могла выйти, чтобы купить новую щетку, следовательно, наверняка вернулась бы в квартиру за старой, которую забыла, уходя к подруге в первый раз.

– Тогда где же она?

Дрейк пожал плечами, лицо его вновь скривилось, и он поднес платок к носу, подержал несколько секунд и вздохнул.

– И за это я не люблю простуду. Всякий раз, когда подношу платок к носу, чихнуть не удается. А вот стоит мне сунуть его обратно в карман, так достать вновь я уже не успеваю... Но вот что интересно, Перри. Еще два человека ведут слежку.

– И что их интересует?

– Дом Ситон.

– Полиция?

– Вряд ли. Мои люди считают, что это частные детективы.

– Откуда ты знаешь, что их интересует именно Ситон?

– Я не знаю, но похоже на то. Один из них что-то вынюхивал на третьем этаже. Возможно, проник в квартиру... А зачем тебе понадобился Гарри?

Мейсон повернулся к Гарри Коултеру.

– Этой ночью Браунли напрямик поехал к набережной?

– Да.

– И ты постоянно держался следом?

– Да.

– Другие автомобили тебя обгоняли?

Коултер задумался.

– Да. Большой желтый двухместный автомобиль проехал мимо при подъезде к портовому району. Просто промчался. Может, проезжали и другие, но их я не запомнил. Потому что лил дождь, и я не отрывал глаз от задних огней автомобиля Браунли. Но желтый гнал очень быстро, и это произошло уже после того, как мы пересекли главную магистраль.

– Другими словами, углубились в портовой район?

– Совершенно верно.

– Сколько в нем было людей, один или двое?

– Думаю, один. И вроде это был «кадиллак», но точно не скажу.

Мейсон повернулся к Дрейку.

– Проверь, какие автомобили выезжали из особняка Браунли, Пол. Не подходит ли какой под это описание. И, раз будешь этим заниматься, выясни через слуг, не было ли в доме и вокруг него какой-нибудь необычной активности после отъезда Браунли и...

– Минуточку, – вдруг прервал его Гарри. – Похоже, я могу кое-что добавить. – Мейсон посмотрел на него, вопросительно изогнув бровь. – У яхт-клуба припаркованы автомобили. Выглядят так, будто простояли там вечность. Их оставляют люди, отправляющиеся в круиз. Заезжают на стоянку, глушат двигатель, запирают на ключ и оставляют. На территории клуба есть гаражи, но большинство этих людей...

– Да, я знаю, – кивнул Мейсон, – но к чему ты клонишь?

– Когда я кружил в поисках автомобиля Браунли, в надежде найти его там, где он держит яхту, на стоянке находились четыре или пять автомобилей. Я к ним пригляделся, не потому что хотел запомнить, но в надежде, что один из них – автомобиль Браунли. Убедившись, что нет, поехал дальше. Но среди этих автомобилей был большой желтый двухместный «кадиллак». Возможно, тот самый, что обогнал меня. Утверждать не могу. Дождь лил, как из ведра, я увидел яркие фары в зеркале заднего обзора, потом мой автомобиль окатило водой, «кадиллак» промчался мимо, и остались только задние огни, которые быстро исчезли. Вы знаете, как это бывает в дождливую ночь.

Не успел Мейсон кивнуть, как Пол Дрейк чихнул в носовой платок.

– С тех пор, как подцепил эту чертову простуду, первый раз чихнул, как положено.

– Ты не мог простыть этим утром, – указал Мейсон. – Так быстро она разгуляться не может.

– Да, я знаю, – кивнул Дрейк. – Вероятно, никакой простуды у меня нет вовсе. Ты похож на тех парней, которые прогуливаются по палубе парохода, курят сигары и говорят зеленолицым пассажирам, что морской болезни не существует: это все их воображение. Обычно я терпеть не могу говорить тебе такое, Перри, но раз ты не проявляешь никакого сочувствия, скажу с удовольствием. Ты можешь сколько хочешь выяснять насчет этого желтого «кадиллака», но, закончив, ты выяснишь, что в полном пролете. Это тот самый случай, когда полиция крепко держит твою клиентку за жабры, а если ты не проявишь осторожность, то схватит и тебя.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Мейсон.

– То, что говорю. Про полицию все-таки не скажешь, что она мышей не ловит, а ты оставил за собой приличный след. Полиция сможет доказать, что Браунли сказал тебе о своем решении переписать завещание таким образом, чтобы твоя клиентка осталась с носом. Они смогут выйти на отделение «Вестерн юнион», через которое ты отправил радиogramму на «Монтерей», и узнают, что ты воспользовался телефоном-автоматом, чтобы позвонить на квартиру Стеллы Кенвуд, у которой остановилась Джулия Браннер. А после того, как ты поговорил с Джулией, она отправила с таксистом записку для старика Браунли. Тот прочитал записку и сказал, что должен ехать на набережную, чтобы забрать часы Оскара. И он был чертовски взбудоражен.

– Таксист отдал записку Браунли?

– Да, но не старику. Он отдал письмо внуку, а внук отнес его деду. Старый Браунли уже лег спать.

– Филип видел, как тот читал записку?

– Совершенно верно, и старик сказал Филипу что-то насчет часов, которые ему вернет Джулия. Теперь полиция полагает, что Джулия заманила его на набережную, вскочила на подножку, выпустила в него целую обойму из автоматического пистолета тридцать второго калибра, бросила пистолет и убежала. А ее сообщник сел за руль, выехал на причал, включил первую передачу, полностью вытащил ручку подсоса и, стоя на подножке, направил автомобиль в воду, прыгнув в последний момент.

– И, насколько я помню, автомобиль подняли на пристань с включенной первой передачей и вытащенной ручкой подсоса.

– Вот-вот, – пробурчал Пол Дрейк, вытирая нос.

– И полиция нашла ее пистолет, – добавил Коултер. – Она носила его по разрешению, выданному в Солт-Лейк-Сити.

– И вот что еще, – продолжил Дрейк, шмыгнув носом, – полиция нашла отпечаток ее пальца на окне с левой стороны. Понимаете, Браунли вел автомобиль с поднятым стеклом, потому что лил дождь. Когда Джулия подошла, старик опустил стекло, чтобы поговорить с ней, но не полностью. Она стояла на подножке и держалась пальцами за окно, так что изнутри остались отпечатки ее пальцев. Копы подняли автомобиль до того, как вода их смыла.

Мейсон нахмурился.

– Могла ли она оставить отпечатки на автомобиле Браунли до того, как он приехал в портовый район?

– Ни единого шанса на десять миллионов, – покачал головой детектив. – Но это плохие новости, Перри. Есть и хорошая. Велика вероятность того, что внучка, которая живет в доме Браунли, липовая.

– У тебя есть факты?

– Разумеется, у меня есть факты, – раздраженно ответил Дрейк. – Не знаю, насколько убедительны, но это факты. После смерти Оскара старик захотел найти его дочку и нанял Джексона Ивса... А может, он сам пришел к старому Браунли и заявил, что найдет ее. Как было на самом деле, я выяснить не сумел.

Для меня не очень этично наговаривать на другое детективное агентство, и нехорошо осуждать уже умершего человека, но старик Браунли согласился заплатить премию в двадцать пять тысяч долларов, если Ивс найдет его внучку. И если сложить двадцать пять тысяч с процентом от доли наследства, который внучка выплатила бы Ивсу в соответствии с его профессиональным этическим кодексом, нет необходимости заглядывать в конец книги, чтобы узнать ответ. Кое-что я могу сказать и за Ивса. Судя по всему, он сделал все, что мог. Действительно старался найти настоящую внучку. Добрался до Австралии, а там уткнулся в глухую стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.